

СЕРГЕЙ ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

Крымские очерки
Год 1913-й

СЕРГЕЙ ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

Библиотека альманаха «Крымский альбом»
Выпуск четвертый

Сергей Елпатьевский

Крымские очерки Год 1913-й

Вступительное слово,
примечания
Дмитрия Лосева

Феодосия
Издательский дом
«Коктебель»
1998

*“Библиотека альманаха “Крымский альбом”
основана в 1995 году”*

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКТОР
Дмитрий Лосев

ПОСЛЕСЛОВИЕ
Владимира Навроцкого

ОФОРМЛЕНИЕ ПЕРЕПЛЕТА
Светланы Арефьевой

НА ФРОНТИСПИСЕ:
Портрет С. Елпатьевского
работы Бориса Васильева-Пальм

ФОТООТКРЫТКИ
начала XX века из коллекции
редактора

*Книга является первым переизданием
знаменитых “Крымских очерков” видного
русского писателя. Вышедшая в 1913 году
и ставшая библиографической редкостью,
она давно ненаходима.*

*Издание возвращает нам свидетельство
об ушедшем в прошлое побережье – от
Феодосии до Балаклавы.
Наблюдения, впечатления, реалии и детали,
отмеченные писателем в начале
XX века, ныне приобрели особое значение
и будут с огромным интересом приняты
самым широким читателем.*

© Д.А.Лосев, вступ. слово, примечания, подбор иллюстраций, 1998
© В.В.Навроцкий, послесл., 1998
© Издательский дом «Коктебель»,
серия «Библиотека альманаха
«Крымский альбом», оформление

Возвращение книги

ого из любителей старины, знатоков истории Крыма, не посещала хотя бы однажды мысль: увидеть ту патриархальную, неторопливую, еще девственную Тавриду прошлого, вдохнуть аромат татарских садов, услышать в старой кофейне легенду о святом, похороненном на вершине Карадага, побывать в

Бахчисарае на восточном базаре... А уже в первые годы века двадцатого — прогуляться по набережной Балаклавы, посмотреть на строительство “научного монастыря” у горы Карагач или проехать на мажаре до Верхних Отуз.

От недостижимости того, что чуда не произойдет и никогда не увидеть тот исчезнувший Крым, становится грустно.

Так же тоскливо и печально делается, когда сравниваешь, например, фотографии 1900-х годов и те же уголки родных мест на исходе века. В тех картинках хочется жить, уходить вглубь по мощным брускаткой уголочкам, заглядывать в уютные дворы, где пахнет лавровым листом и свежей рыбой, где на мангale непременно готовят настоящий караимский кофе.

Когда рассматриваешь старые фото, не избежать сравнений с нашими днями. А если читаешь о Крыме умную книгу тех лет, о сегодняшнем и суетном забываешь, словно слышиши голос автора — твоего спутника и друга, видишь описываемое им воо-

чию. Подобных книг о Крыме начала XX века — талантливых и увлекательных — не так уж и много. Одна из ярких — “Крымские очерки” Сергея Яковлевича Елпатьевского.

Увидевшие свет в 1913 году стараниями “Книгоиздательства писателей в Москве”, эти очерки до сих пор любимины крымоведами. Только вот беда — выпущенные 85 лет назад, они ни разу не переиздавались: то ли имя автора было не в чести, то ли чиновникам из обкома радостнее было видеть в издательских планах очередную “нетленку” об успехах советской власти в Крыму, чем сборник беллетристики начала века.

“Крымские очерки” Елпатьевского все эти годы не были упрятанной книгой, но оставались просто ненаходимыми. Лишь научные библиотеки да несколько краеведов в современном Крыму могли похвальстись экземплярами этой уже по-настоящему библиографической редкости.

С “Крымскими очерками” меня познакомил Марк Эзрович Хафуз — патриот своей малой родины, много сделавший для сохранения памяти о караимском народе, создатель национально-культурного общества, автор нескольких книг — в том числе караимского словаря. Экземпляр очерков Елпатьевского ему подарили много лет назад. С тех пор, уже изрядно потрепанная, книжка несет следы внимания, наверное, не одного десятка ценителей старой литературы о Крыме.

Прочитав очерки и “пройдя” вместе с автором побережье от Балаклавы до Коктебеля, я утвердился в том, что эта книга найдет своего читателя и сегодня, особенно в Восточном Крыму.

Очерки Елпатьевского — редкое сочетание необходимых путешественнику сведений и живописных литературных пейзажей. Есть в них колорит эпохи и мудрость повествователя, советы врача-практика и наблюдения ученого. Думаю, мало что ускользнуло от его взгляда. Он замечал строительство но-

вых домов, разведение виноградников, изменения в экономике Крыма, сохранил для нас легенды и предания, описание научной библиотеки Терентия Ивановича Вяземского на Карадаге и рассказал о его ученических планах.

Понятно, что для нас, феодосийцев, наиболее интересны очерки, посвященные Коктебелю и Карадагу. Еще полупустынnyй, с чахлой растительностью Коктебель у Елпатьевского больше напоминает оголенное морское дно. В “плохонькой туфельной обуви” можно пройти по берегу — песчаному, с гладкими агатами и сердоликами, снять комнату “за 25-30 рублей в месяц”, по вечерам слушать концерты Дейши-Сионицкой, а если надоест — нанять проводника через Карадаг, в Отузскую долину, а там и в Кизилташский монастырь, еще не разоренный борцами за всеобщее счастье.

Кстати, любопытно и вместе с тем непонятно, отчего у Елпатьевского в “Крымских очерках” молодой курортный поселок Коктебель — женского рода (“...стала ярче красота Коктебели, ей одной принадлежащая”), и так через всю книгу. Пожалуй это единственный случай в крымоведческой литературе. Можно лишь предположить, что либо Сергей Яковлевич спустя годы именно так записал название гостеприимного поселка, либо милый его сердцу Коктебель обрел женское начало из особо нежных чувств писателя.

Очерк о Балаклаве, еще недавно закрытой для современных туристов, несколько выпадает из общего контекста сборника. В книжке, практически полностью посвященной Восточному Крыму, балаклавские заметки могут показаться иностранными (хотя именно ими и открывается повествование). Но это лишь на первый взгляд. Для Елпатьевского Балаклава, как и Коктебель, Карадаг, Отузы, Судак, — особые места Крыма, тогда еще малоизвестные, но уже становившиеся курортными местностями, которых “не было и в помине 15 лет тому назад”.

Судак начала века в очерке Елпатьевского — еще тихий, не знакомый с ялтинскими “денди”. Здесь процветают немецкие колонии, встречаются англичане и французы — потомки знаменитых виноделов. В Судаке — четыре гостиницы, и он подает надежды “играть по отношению к прилегающим долинам и годным для поселения взгорьям... ту же роль, какую играет Ялта по отношению к Алупке и Мисхору, Гурзуфу и Суук-Су”. Но это все впереди...

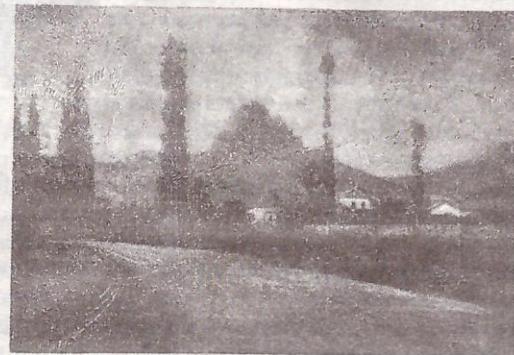
Возвращаемые читателю “Крымские очерки” С.Я.Елпатьевского полностью воспроизводят текст издания 1913 года, сохраняя фрагменты графического оформления (рисунки, виньетки, буквицы). Единственное, от чего пришлось отказаться, — фотографии того издания. Большинство из них имело низкое полиграфическое исполнение. В новом издании мы, по возможности, повторили сюжеты тех фото, reproduцировав почтовые открытки начала XX века. Вместо послесловия к книге прилагаются заметки доктора медицинских наук В.В.Навроцкого о Сергеев Елпатьевском.

Ушедшее возвращается. Современный Крым вновь читает очерки своего замечательного бытописателя.

Дмитрий Лосев,
июнь 1998 г.

С. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ.

КРЫМСКИЕ ОЧЕРКИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ:

Балаклава

Б

алаклава тихая, уютная, укромная. Когда едешь на пароходе из Севастополя в Ялту, мимо Балаклавы, ее не видно. Скалистые, высокие берега, тянувшиеся от Георгиевского монастыря¹, в одном месте понижаются маленькой седловиной, но все же кажутся непрерывной линией скал. И вы можете десять раз проехать по старому шоссе из Севастополя в Ялту и не заметить, что тут, рядом, в каких-нибудь 2-х верстах от шоссе, пристился городок и даже, можно сказать, столица крымского греческого населения. В середине — озеро, голубовато-синее, неподвижное, чуть зыбающееся ветер, а кругом горы, тесно сдвинувшиеся, голые, без травы, без деревьев, сухие, каменистые, так вбирающие в себя жар дневного солнца и так медленно остывающие ночью.

Вокруг озера вьется узенькая набережная. Справа больше ничего и нет, прямо над домами, кое-где врезавшимися в скалу, поднимается высокая, неприветная голая гора, а слева, над набережной, ползут по горе 4 — 5 узеньких улочек, прорезанных еще более узенькими, короткими переулочками. На набережной франтоватые дачи 2-х — и 3-х-этажные, чуть не вплотную придвигнувшиеся к воде, — и кажется, что с балкона мож-

но закидывать удочки и ловить рыбу; в улочках и переулочках маленькие, одноэтажные домики в 3 - 5 оконцев, с палисадничками, цветочками, с неизбежными белыми акациями и тутовыми деревьями, где селится приезжая публика победнее.

Когда бываешь в первый раз в Балаклаве, не хочется верить, что эта синяя гладь воды — не озеро, а бухта, как-то не допускаешь мысли, что в этих крутых, скалистых, окутавших Балаклаву сплошным кольцом горах, есть прорыв, которым можно выйти из тихой бухты в открытое море, через который когда-то могли войти грузные, тяжелые корабли из далекой Англии².

Балаклава — единственный город в Крыму, ни на кого не похожий, свой отделенный мир. Через Балаклаву нельзя проехать, как через Ялту, Алупку, Алушту, и ехать дальше. В нее можно только *приехать*. Впереди лишь море, а кругом каменные, непроездные громады, — дальше некуда ехать, здесь — конец мира.

Если вы приедете в Балаклаву вечером, когда в Балаклаве — музыка, вы встретите деревянные козлы перед главной улицей-набережной, и если вы желаете достигнуть гостиницы, вы должны слезть с извозчика, деликатно отодвинуть этот балаклавский шлагбаум и скромненько, тихонечко пробираться со своим экипажем через сплошную толпу, наполняющую в этот час балаклавский Невский проспект. И когда вы остановитесь у гостиницы, кругом вас собирается публика, — и та, что сидела на завалинках и щелкала подсолнухи, и та, что торжественно дефилировала по набережной. Публика начинает рассматривать вас и соображать по количеству багажа, приехали ли вы надолго, или вы — ша-

ромышник, который провертится в городке 2 - 3 дня, а по качеству ваших чемоданов определяют, откуда вы приехали, из Петербурга или Москвы, или из иных мест, — из Сум, Кременчуга, Ахтырки, Карасубазара³. К вам сейчас же подойдет величественная дама-комиссионер и сделает вам обстоятельный доклад об имеющихся комнатах в 40-50 руб. в дачах на набережной и о квартирах и комнатах на верхних узеньких улицах, — о маленьких квартирках и дешевеньких комнатах...

Как-то сразу, удивительно быстро, вы становитесь своим человеком в Балаклаве и входите во всю жизнь ее. Узнаете, кто приехал и куда уехал и кому принадлежат богатые дачи на набережной, кто чем раньше занимался и почему поселился в Балаклаве, какие у кого приятные и неприятные случились семейные истории.

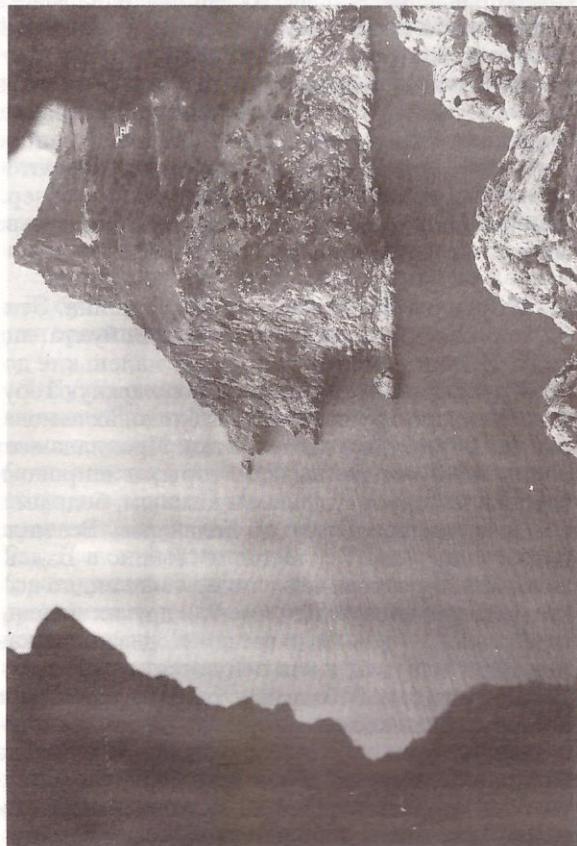
Тихая Балаклава, уютная. И бухта тихая, уютная. Какие бы бешеные сине-зеленые волны ни бились в открытом море об острые ребра утесов, в бухте тихо и спокойно, — разве потемнеет вода, да зыбь избороздит всегда спокойную гладь воды. Венеция...

Нет извозчиков, нет экипажного грохота. Как и в Венеции, роль извозчиков исполняют лодочники. Они весь день толпятся на набережной у своих лодок, а если не окажется лодочника, вы можете командировать любого гречонка в ближайшую кофейню, — лодочник сейчас же явится и повезет вас за 10 коп. на другую сторону бухты, за 25 коп. в час отдаст лодку в ваше распоряжение, а за 40 коп. в час сам повезет вас в открытое море.

Но все, как в хороших домах... Есть и городское самоуправление, хотя и упрощенное, но

Фotoоткрытка начала XX века.
Изд. Гранберг в Стокгольме

В окрестностях Балаклавы.
Фото Сергея Игнатьева. 1997 г.

самоуправление, есть две гостиницы, одна даже в три этажа, а перед гостиницами — “поплавки” — легкие постройки над бухтой, где люди завтракают и обедают, и проводят долгие вечера, когда играет музыка, и засиживаются иногда и после музыки... Есть купальня, есть хорошее ванное заведение, есть театртик, в котором устраиваются спектакли и литературно-музыкальные вечера непереводящимися в летнее время в Балаклаве артистами, литераторами и певцами.

Хорошо в Балаклаве... Утро. Тишина. Земля только что просыпается, а синяя бухта еще спит. И тени ложатся от горы на маленькие домики, на синюю бухту, на противоположную гору. А мы уже проснулись. На всех балконах самовары, белые платья и косоворотки. Прохлада веет с успевшей остыть за ночь горы, и широко и глубоко дышится сильным и нежным, бодрым и сладким утренним воздухом Балаклавы. Все мило и просто кругом. Все видно и слышно в Балаклаве. Я живу в верхней улице, и мне видно все, что делается внизу, подо мною, в других маленьких дачках, — как люди встают и одеваются, как моются и чешутся, и как целуются.

Должно быть, 10 часов утра. В соседней даче петербургская консерваторка начинает свою неизменную арию: “Кто б он был?” Я вижу на балконе белокурую девушку в беленьком платье, она опирается о перила балкона и взывает к озаренным горам, к подернутой белым туманом синей бухте:

— Кто б он был? Кто б он был?

А он уж там, на набережной, слушает и ждет. Глаза у него, как угли, а усы, как копья, и весь он

тонкий и жилистый, и страшный в своей черной косоворотке с широким, темным ремнем. И встречает он беленькую, беспомощную, несопротивляющуюся Тамару и замогильным басом, с демонской тоской говорит:

— Я же вас ждал, ждал!.. Вы же казали учера...

Беленькая девушка собирается шагнуть в лодку. Черный демон подхватывает ее за талию и, как перышко, сажает на скамейку.

И они едут без руля и без ветрил из маленькой бухты в открытое море. В золотой туман разгорающегося дня.

Бухта оживляется. Набережная наполняется людьми. Разбираются лодки; по двое, по трое, целями компаниями, с корзинками, рассаживаются балаклавские гости в лодках и отправляются в открытое море. Чудесная “Слава России” расправляет парус и с большой компанией едет в Георгиевский монастырь. А с противоположного берега отчаливает стройная беленькая яхта, и паруса трепещут, как расправляющиеся крылья, она делает крутой поворот, и бока ее черпают воду, а потом выпрямляется и с надувшимися парусами, как белый лебедь, словно не касаясь воды, плавно скользит по бухте к открытому морю.

Оно широкое и, должно быть, именно после узенькой, запертой горами бухточки, кажется огромным и необъятным. Слепит глаза необъятная даль, сияющая под солнцем, чуть зыблющаяся, переливающаяся красками.

А вдаль моря — горы, лиловые, сползающие к морю зелеными соснами, обрывающиеся в бездонную глубь розовыми утесами...

Лодки разбежались по морю, жмутся к горам. Далеко плывет гордый, белый лебедь в синем море, в сияющей дали горизонта маленькой точкой виднеется парусная лодочка. Я знаю, один из балаклавских любителей моря, каких и нет в других местах Крыма, уплыл ранним утром с бочонком пресной воды в широкое море и, быть может, пробирается в Ялту, в Феодосию, в Керчь... Не рискующие ехать в даль лодки причаливают к пустынным берегам. Люди купаются и подолгу лежат на горячих камнях, — кожа их давно черная, — и снова бросаются в море, и снова лежат на камнях...

Вечером лодки возвращаются, — и к музыке, что играет на помосте над бухтой. Набережная полна народу. Кажется, все ушли из дома, старые и молодые. Ушли, как были дома, — дамы с непокрытыми головами, в домашних кофточках, в широких капотах, в которых ходят к родным, к близким знакомым, где можно быть без фасонов, где не осудят. И никто не осуждает, все по-домашнему, по-семейному, все мило и уютно.

В толпе необыкновенное оживление, и мальчишка с лукошком не успевает отпускать подсолнухи. Ходит степенная дама-комиссионер и, как полицеймейстер, надзирает, все ли в порядке, все ли устроено, все ли помещены как следует, и так как все помещены и все устроено, — не препятствует общему оживлению. Толпа — южная. Не петербургская, хмурая толпа словно непропавшихся людей, с сумрачными лицами, со связанными ногами, с монотонной речью, — толпа яркая, цветистая, с ласковыми и теплыми, вибри-

рующими южными голосами, с жестами, с декламацией и мелодекламацией. И у нее свой, южный язык, не закоченевший на страницах свода законов, не скованный тесными и суровыми нормами грамматики. А свой, вольный, степной, южный язык...

— Я уж и не знаю, кто за кем больше скучает, — томно говорит молоденькая дама своей подруге, — я за ним, или он за мной!

А за ними идет другая пара.

— Какие здесь прекрасные погоды! — мелодекламирует тоненская девушка.

А над ней наклоняется высокий, перетянутый ремнем в талии юноша и говорит:

— Знаете, я вчера всю ночь просидел в Генуэзской крепости. Ой, ничь була!

Коварная девушка спрашивает с невинным видом:

— С кем?

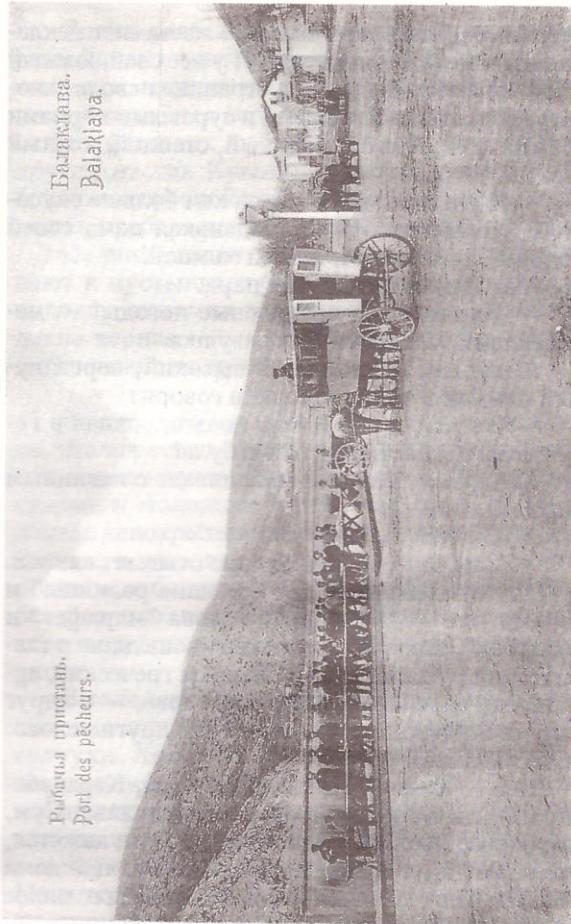
— Сам^{*}... — меланхолично отвечает юноша.

Тут и киевские: “две большие разницы” и “займи мне” ^{**}, и татарские слова “марает” и “балабан”, как свои, уже давно вошедшие в таврический русский язык. Слышины греческие, армянские, еврейские, татарские слова, — и вдруг вырвется из толпы и покроет все другие слова: “Ой, лышечко!”

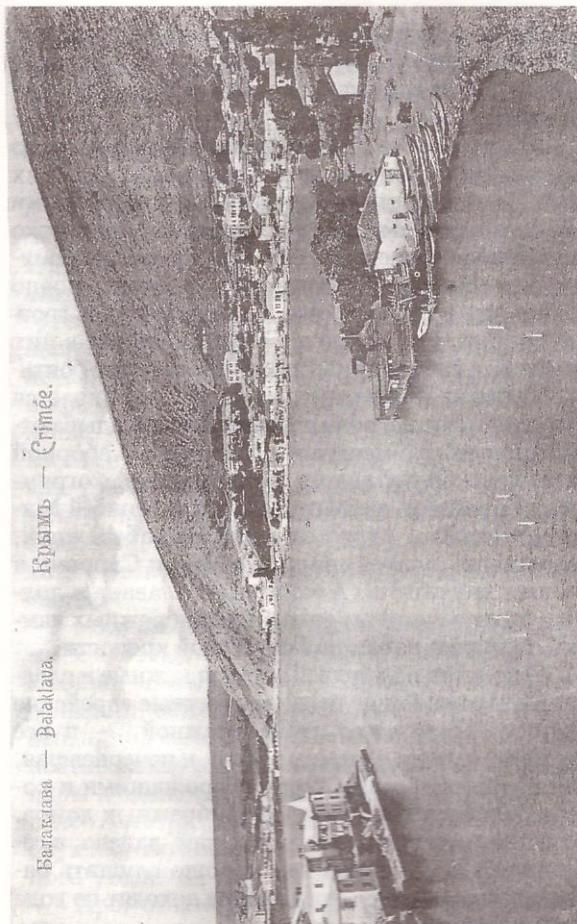
Все — южане. Из Симферополя, Карабузара, не дальше Киева и Екатеринослава, Сум, Харькова, Ростова и Кременчуга, — и, кажется, все знают друг друга и, быть может, еще дома уговорились съехаться сюда, в привычное, милое место летнего отдыха. И армяне из Нахичевани

* Один.

** Вместо: дай мне взаймы.

Фotoоткрытика начала XX века.
Изд. М.Л.Роговского, Балаклава

Фotoоткрытика начала XX века.
Изд. Гранберг в Стокгольме

и Ростова, и украинцы, и татары из Бахчисарайя. Изредка промелькнут в толпе голубые глаза и белокурые северные московские и петербургские лица.

Много евреев. Они приезжают не только из Кременчуга и Киева, но и из дальних польских мест, — в странных костюмах, с необычными для юга манерами. Они приезжают, немножко испуганные, с настороженными лицами, хоронящимися манерами и держатся в стороне, словно боятся, что вот пронесется к ним чай-нибудь грозный окрик, что вот из переулка запустят в них камнем. А потом привыкают и перестают бояться. Никто на них не кричит, никто не собирается устраивать им погром, дружелюбно складываются отношения с местными греками и с сборной балаклавской публикой. И седовласые, с огромными бородами, скульптурные, как Моисей Микель-Анджело, Авраамы ходят по набережной, заложивши руки за спину, со своими Саррами и своими внучатами. А молодежь плавает в лодках, берет солнечные ванны на прибрежных камнях, сидит по ночам на Генуэзской крепости.

С помоста над бухтой несутся нежные и сладкие малороссийские песни и грустные еврейские мотивы. Тогда тихо на набережной, — и все слушает: и люди, и темные горы, и почерневшая, как вороненая сталь, бухта с дрожащими и колеблющимися в ней огнями прибрежных домов. Слушают неподвижные лодки, там, далеко, в середине бухты, откуда так хорошо слушать балаклавскую музыку, когда звуки доходят по воде особенно нежными и томными.

Кончается музыка, старики уходят по домам, а молодежь не расходится. Должно быть, она

разнежена кроткой ночью, сладкими и грустными звуками, тихими всплесками прибрежной волны, и не хочется ей спать, уходить к душным комнатам, к скучным постелям, и идет она на скалу Генуэзской крепости.

Огромным шаром поднимается из-за гор луна и снимает темные одежды с высоких гор, угро-мых утесов и одевает их белыми ризами, узорчатыми тенями. Все сияет кругом, — и небо, и воздух, и цепь далеких утесов, — сияет белым и грустным сиянием. Светится море, и переливающаяся белыми огнями серебряная дорога стелется в бесконечную даль, которая кажется еще шире и беспредельнее, чем днем. Прямо подо мной, у обрыва утеса едет лодка, и сбегают с весел сияющие белые капли; я вижу, как маленькая рука черпает горстями воду и сыплются между пальцами светлые, как серебро, капли, и сияющий, светлый путь долго стелется за лодкой в темной бухте, еще не озаренной лунным сиянием.

Узенькая площадка над обрывом полна людьми. Сидят на лавочках, сидят на земле, на выступающих камнях, говорят тихими, пониженными голосами, обмениваются короткими фразами. А выше, под самой стеной старой Генуэзской крепости, между еще не остывшими камнями сидят пары и одиночки, юноши и девушки, и, не отрываясь, смотрят в сияющую, безбрежную даль и слушают глухой рокот сонной волны у прибрежного утеса.

Кроме приезжих, есть и местные жители. Прежде всего, греки. И потом греки, и опять греки... Если исключить пришлих домовладельцев набережной, то остальные люди — русские,

малороссы — тонут в общей массе коренного греческого населения. Можно даже сказать, что Балаклава есть истинная столица русской Греции, и сколько бы ни хвастались аутские греки⁴ из Ялты древностью своего поселения и огромным количеством земель, которыми когда-то владели они, все-таки настоящий греческий центр — Балаклава.

Там есть, так сказать, мирные греки, занимающиеся хлебопашеством, табаками, виноградниками, огородами, возделывающие гостиницы, кофейни и мелочные лавки, чем, по их заявлению, занимались они до переселения в своей родной стране. Но их малая часть, и не они окрашивают балаклавскую жизнь, — главная масса, так сказать, военные люди, воюющие с морем или на море, чем занимались они до переселения в Россию, все рыбаки, а злые языки говорят, все капитаны, — капитаны пиратских судов, — почему, дескать, многие и фамилию носят Капитанаки.

Теперь они не пиратствуют. Море — их земля, их пашни и луга, и виноградники, и сады, и промышленность. И жизнь их и душа их там, в море или около моря. Он так же, настоящий балаклавский грек, знает море, так же изучил повадки его, манеры, капризы, как крестьянин свою землю. И если дотошный мужик хвастается, что он “на три аршина сквозь землю видит”, а наиболее чуткие слышат, как трава растет, то старый балаклавский грек-рыбак говорит: “Я сплю, а знаю, что она (рыба) в Керчи думает”.

Летом мало ловится рыбы в Балаклаве, и хотя вся бухта и ближнее море на всю глубину перекрыты уловляющими сетями, но улова хватает только на прокормление себя, приезжих лю-

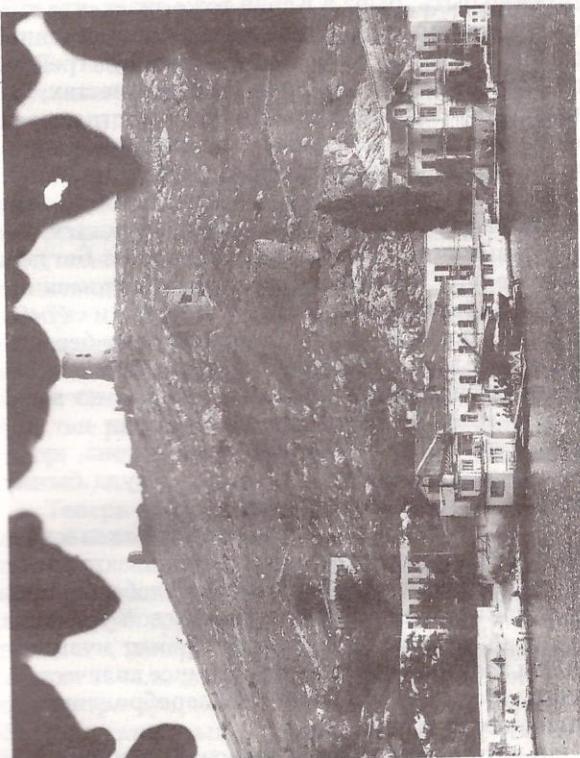
дей и на работу консервного завода, посылающего балаклавскую рыбу во все концы России. Должно быть, рыба в Керчи тоже знает, что думает и злоумышляет против нее балаклавский рыбак, и по мере возможности, пока Бог грехам терпит, проживает в Керчи и других местах, не заглядывая в Балаклаву. Поэтому в летнее время балаклавцы свободны, уловляют приезжего человека, и их лодки разгуливают по Черному морю с самыми мирными намерениями.

Балаклавские люди не очень беспокоятся, — они знают, что придет осень, погонят из Батума и из Керчи стада дельфинов и поднявшиеся из глубины белуги мелкую камсу*, кефаль и скумбрию, — погонят вдоль всего Южного берега, как гонят волки стадо овец, и пригонят непременно в балаклавскую бухту, так как на всем протяжении Южного берега от Керчи нет ни одной укромной бухты, ни одного загона, куда бы могли укрыться овцы-рыбы, и куда бы не осмелились залезть волки-рыбы...

Тогда начинается настоящая балаклавская жизнь. Переполненные сети вытаскивают тысячи пудов камсы, скумбрии, кефали, лобанов; тогда балаклавские рыбаки снимают свой урожай. Тогда — веселье в Балаклаве: гремит музыка, полны кофейни, выпивается огромное количество турецкого кофе и только что перебродившего балаклавского вина.

А потом, после Рождества, снаряжаются лодки на волков, — на громадных двадцатипудовых белуг, — и начинается страшное балаклавское рыбакское время. Белуги не подходят близко к берегу и не держатся на мелком месте;

* Черноморские сардинки

Балаклава.
Фото Сергея Игнатьева. 1997 г.

Генуэзская крепость в Балаклаве.
Фото Сергея Игнатьева. 1997 г.

нужно выезжать за 10-15 верст от берега, бросать крючья в глубину моря, зимнего, свирепого Черного моря. Коварного моря... Нужно знать его, нужно хоть раз испытать ярость его. Сорвется неожиданно ветер с гор и понесется, как воздушный водопад, и кажется, что это — не воздух, а нечто более плотное, чем воздух, какая-то стена, через которую не пробьешься... Шесть могучих гребцов, выгибаю спину, налегают на весла, и лодка не может на шаг подвинуться к берегу. Тогда нельзя пользоваться и парусом, — лодку перевернет, — приходится спустить парус и сложить весла, и отдаться на волю ветра, думать только о руле, — о том, чтобы лодка резала волну, — и ждать, куда эта волна принесет: в Керчь или на кавказский берег, или в Трапезунд, или в Константинополь. Не всегда доеzzают лодки до какого бы то ни было берега... И редко проходит зима, чтобы море не взяло дани с Балаклавы, чтобы не выбрасывало мертвые балаклавские тела на каком-нибудь пустынном берегу Крыма или Кавказа.

Должно быть, потому одеты в черное балаклавские женщины, и грусть лежит на бледных, матовых лицах с огромными черными глазами, — на лицах, так похожих на старые образа древнего греческого письма. И, когда я вижу у фонтана эти печалью одетые, худые, темные женские фигуры, мне все думается, что они в трауре. Что вспоминают об отце, брате, женихе, муже, которых поглотило злое, коварное Черное море.

А потом — отставные люди... Прежде всего севастопольские Цинциннаты, военные и штатские, кончившие свой служебный путь и опочив-

шие на мягком ложе пенсии. Они покупают земли и земли, строят дома или домики, возделывают виноградники, чудесные абрикосы и персики и несравненную грушу Бере-Александр. И ходят в белых кителях по набережной, тихие и кроткие, все отставные генералы милые, — пьют турецкий кофе в кофейнях и слушают музыку. И люди, сами отставившие себя от жизни, уставшие от беготни, от суеты жизни... И просто заглядевшиеся на море...

Я спрашиваю дворника дачи, где я жил, почему он не вернулся после матросской службы в Севастополе в свою Киевщину, где, по его же словам, у него есть земля, и братья хорошо живут, и рады его принять. Он долго и путанно объясняет, как он поехал было и полгода работал на земле в своем месте. И все-таки вернулся и, вернувшись, женился на балаклавской гречанке, и вот уже десять лет состоит балаклавским мещанином... Он оборачивается к морю и раздумчиво говорит:

— Опять же, море...

Опять же — море, и опять — море... Не договаривает он самого главного, — что море коварное, властное и ревнивое, что кто заглядился на него, тот не уйдет уже от него. Полонит оно, не отпускает.

Широкая степь за Балаклавой такая же странная, как море после узкой бухты. Там расстет настоящий хлеб, колосятся пшеница и просо, и кукуруза на настоящих полях, которых нет на Южном берегу Крыма. И скрипят телеги, и бредут по черной земле настоящие волы. Там разбросаны домики. По низеньким балочкам, в уютных местечках, где скопляется водичка и зеле-

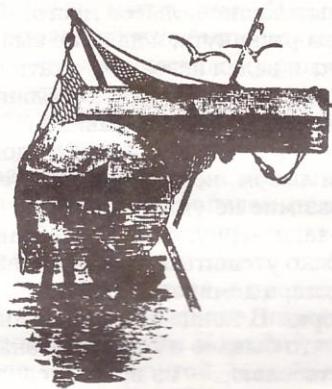
неет травка, стоят домики с геранью в окнах, за вышитыми занавесками, с маленькими цветничками, с черешнями, абрикосами и персиками. Беленькие, низенькие домики уютны и одиноки. Там — бродячие люди, пришедшие издалека к морю, к крымскому солнцу, к балаклавскому теплу и уюту. Тут и греки, и малороссы с "сухой границы", что разбежались после севастопольской кампании с румынской границы и разбрелись по Новороссии и по Крыму, и русские интеллигентные люди, бросившие города и культурные профессии и пожелавшие сесть на землю, и опять-таки всякого звания отставные люди... Откуда то и зачем-то явились два брата-англичанина и косят, и пашут землю, и ходят с волами по балаклавской земле. И живут в таком же беленьком степном доме; только английская мистресс удивляет балаклавских дам тем, что стирает белье на машине.

Покойно в Балаклаве... Не свистят пароходы, не громыхают поезда, не звенят трамваи, не шумят извозчики, не кричат люди; тихо шепчет бухта. Все — свои люди... Изредка наезжают иноземцы из севастопольских, ялтинских земель, посмотрят на тихую Балаклаву, позавидуют мильому балаклавскому житью и поедут назад, в свои шумные и суетливые Севастополь и Ялту. Назад, потому что через Балаклаву нельзя никуда проехать; можно только доехать до нее, приткнуть в нее.

Хорошо приехать сюда выздоравливать от тяжелой болезни, хорошо приехать в Балаклаву после тяжкой, напряженной работы, беготы и суеты в огромном, шумном городе. И хорошо

людям, которые изъездили пути жизни и устали от этой езды, и пожелали отставить себя от дел и службы жизни, кончить свою беготню и суету, — хорошо причалить свою ладью к маленькой балаклавской бухте, как на последней станции, на конечном пункте. Здесь можно отдохнуть от жизни, здесь можно целые дни лежать на теплых камнях, озаренных солнцем, или качаться в лодке в середине бухты под баюкающую песнь моря, — именно здесь, где только горы да синее море, голубое небо...

Тихо и уютно в Балаклаве. Хорошо здесь жить, вероятно, хорошо и умирать.

Коктебель

ода три назад мне порекомендовали устроиться на лето в Коктебели⁵, дачном поселке в 19-ти верстах от Феодосии, на берегу моря. Но когда я подъехал к ней в первый раз и увидел голое, выжженное, лысое место, на котором она раскинута, я даже не вышел из экипажа и велел извозчику ехать дальше, за 10 verst, в следующую, Отузскую, долину. И, когда ехал, дивился, что меня направили в Коктебель, что есть люди, которые находят удовольствие жить в этом лысом, неприютном месте.

В тот раз мне не удалось устроиться в Отузах⁶, я все-таки вернулся в Коктебель и, чтобы хоть немножко утешиться, нанял комнату в центральном месте, в домике, ближе всех придинувшемся к морю. В конце концов со мной случилось то же, что бывало и с другими знакомившимися с Коктебелью, — из врага я сделался другом, и из скучного, неприветного места неожиданно глянула на меня совсем особая красота.

Это не сразу приходит, и Коктебель долго остается нежеланной, неприветной. Должно быть, ровная, еле поднимающаяся над уровнем моря плоскость, на которой она расположена, была рань-

ше морским дном. Там не растет настоящей травы, а только что-то сухое и корявое, какие-то тернии и волчцы, убогие садики, которые дачники из всех сил разводят около своих маленьких домиков, такие жалкие и бедные, — коктебельские деревья так медленно растут и так часто засыхают. А когда в конце июля и первой половине августа подует то крымское сирокко⁷, что летит из среднеазиатских пустынь и несет с собой тучи взмешенного мельчайшего песка, отчего солнце встает мутное и тускло-желтое, и мгла стоит в воздухе, как в египетский хамсин⁸, — тогда листья убогих садиков свертываются и засыхают, и белая акация стоит голая, меркнут бедные сироты, коктебельские цветочки, и пыльные и печальные стоят садики. И только туркестанский тополь, должно быть, притерпевшийся на родине к жгучему песчаному ветру, остается зеленым и свежим.

Нельзя копать колодцы, — вода там соленая и горькая, — и для пищи и питья коктебельцы возят “сладкую” воду за три версты из деревни за перевалом. Нет там прогулок, так как сзади Коктебели и с левой стороны только скучные желтые холмы без растительности, без резких очертаний, без скал и утесов, а проходящее мимо поселка шоссе, вечно пыльное, никого не манит для прогулок. Да, справа Карадаг⁹, красивый и величественный, но крутой, и сначала кажется недоступным со стороны Коктебели.

И жители ближайшей болгарской деревни, к которой уже почти примыкает дачный поселок, — невеселые, угрюмые. Они давно живут в России, но, должно быть, воспоминание о старом турецком иге все еще висит над их душами, и пото-

Фотооткрытка, 1910-е годы.
Изд. И.Вассерман, Феодосия

Коктебель. Вид от подножия Карадага.
Фото Михаила Горшкова. 1992 г.

му они такие неразговорчивые, замкнутые, обособленные. Они по-старому цепко держатся за свое, за свой болгарский язык. Они по-своему, по-болгарски, строят дома с террасочками, обращенными непременно не на улицу, не к другим людям, а внутрь своего дворика, непременно с маленьkim подвалом для выжимания винограда и хранения вина. Непременно олеандры перед террасочками, как росли они у них там, в Болгарии. Хоронящиеся люди — неприветливые, негостеприимные, женщины все в черном, и нет веселья на их лицах, нет светлой неомраченной радости в их сердцах. А потом сживаешься и, сжившись, начинаешь открывать красоту Коктебели, — совсем особую красоту, ей только одной принадлежащую. Все больше и больше всматриваешься в Карадаг, этот великолепный горный массив, отделяющий Коктебель от Отузской долины. С необыкновенно красивыми, изломанными линиями, суровый и величественный и как-то в то же время ласковый, он поднимается прямо с коктебельской плоскости, с голыми, острыми пиками, оставшимися от бывшего кратера, с венцом зеленых лесов наверху.

А на самой высокой зеленой горе Карадагского хребта лежит святой человек¹⁰. Давно лежит он там, и спорят люди, чей это святой: русские говорят, что это их, русский, а татары, — что он ихний апостол и спокон веков молится за них, за татар. И в разгар лета тянутся мажары из-под Керчи, из-под Старого Крыма, из-под Карасубазара и из огромных приморских, татарских сел с правоверными людьми на могилу ихнего святого, который не устает молиться за них. Тогда табор образуется у подножия зеленой

горы. Люди оставляют мажары, поднимаются в гору вместе с муллой. Тогда из Коктебели ночью видны огоньки на вершине горы, — то костры горят кругом святой могилы, и сидят люди всю ночь и молятся, и думают о святости.

А может быть, это и не русский, и не татарский святой, а лежит там с генуэзских времен, со времен тавров и готов, даже, может быть, со временем киммерийцев¹¹, что когда-то наполняли Крым и эту Коктебель, и Отузы и, говорят, выстроили первый город в Европе — Феодосию раньше Рима и которые так безвестно потонули в истории. Может быть, потому что в готские, и в киммерийские времена были святые люди, потому что не может жить человечество без святых людей.

Ялтинские люди, гордые своей Ай-Петри, великолепной стеной гор, режущей небо, пренебрежительно говорят о других крымских горах, но и они изумляются, когда попадают в первый раз на Карадаг — изумляются причудливым, ломанным линиям, воистину страшным утесам, отвесными обрывами падающим в море; суровому и мрачному карадагскому хаосу, к которому нельзя спуститься и равного которому по дикой красоте нет в Крыму.

Карадаг — конец, последнее слово той чудесной горной сказки, что тянется от Севастополя до Карадага, и, как бывает, именно в конце, сказка вспыхивает самыми причудливыми образами, самой необузданной фантазией.

И за ним сказки нет больше, горы лысеют, обесформливаются, поникаются и приникаются, пока не переходят в ровную, как пол, без холмов и без деревьев степь, что тянется от Феодосии до Керчи.

Потом открываются и прогулки. Тот, кто не боится крутых подъемов и дальних путешествий, находит прогулки на тот же Карадаг, в соседнюю, противоположную Коктебели зеленую Отузскую долину и в редко красивый в самом сердце гор Кизильташский монастырь¹² и Старый Крым¹³, до которого всего 15 верст, и в Феодосию, до которой по шоссе — 19, а тропинками 14-15 верст.

Но это все — только прибавление к той основной главной красоте Коктебели, в которой все ее очарование, — к морю. Оно особенное — коктебельское... Необыкновенная ли сухость воздуха в Коктебели, конфигурация ли берегов, окружающих широкую бухту, серо-желтоватых, волнующихся, без резких очертаний, уходящих в даль моря холмов с левой стороны и сурового темно-зеленого, необыкновенно резко очерченного Карадага с правой стороны, — но такой окраски моря, такой непрестанной смены этой окраски нигде нет в Крыму, кроме Коктебели.

То серое, то зеленое, то темно-стальное, то голубое, то насыщено темно-синее, оно вечно меняющееся, вечно красивое новой красотой. И все там меняет краски — и Карадаг, и левые волнующиеся холмы, то лиловые, то зеленовато-синие, то розовые, иногда красивые во время захода солнца, — они создают ту необыкновенную смену коктебельских красок, которую давно ловит на своих картинах поэт Коктебели, феодосийский художник Богаевский¹⁴.

И там все особенное, коктебельское: утра, напоенные бризом с моря, палючие дни, в которые благодаря сухости воздуха так легко дышится, так хорошо ходится.

Там месяц встает по-другому. Встает он из моря красный, огромный, медленно и трудно поднимаясь над морем, а потом он делается желтым и золотой, зыбающейся дорогой стелется по морю, поднимается все выше и выше и делается белым, как ребро, и тогда море серебряное и Карадаг серебряный, и даже голая, пустая коктебельская плоскость становится ласковой и красивой, и манит к себе в долгие прогулки, — тихие, бездумные прогулки. Ночи теплые, сухие, безросные. Смутно тянет бриз с далеких гор в открытые всю ночь окна, тихо шепчет море свои смутные слова, под которые так сладко спится.

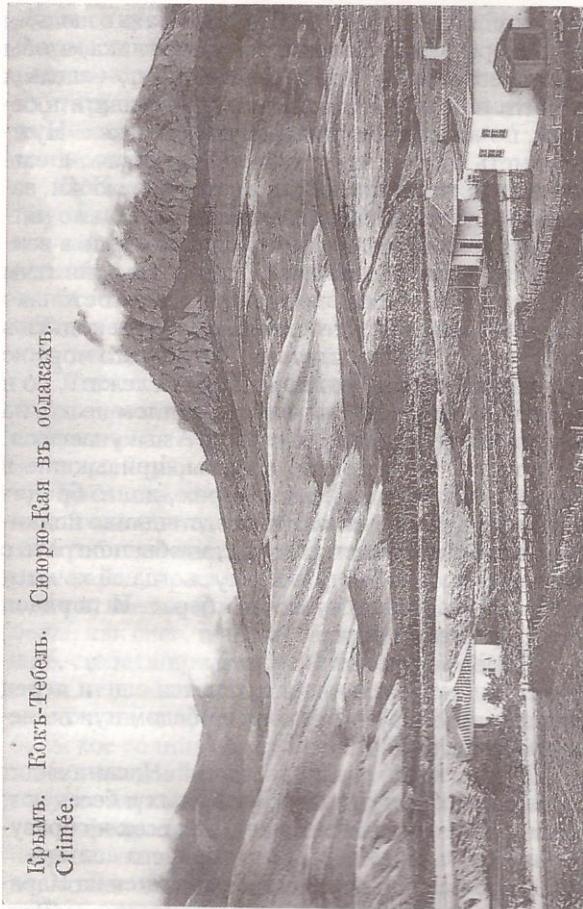
Должно быть, нужны эта голая, выжженная плоскость и серые, опаленные солнцем холмы, окружающие Коктебель сзади; нужен этот огромный, серый, без красок и узоров экран сзади, чтобы вся красота моря, вся строгость суровых линий Карадага и все переливы красок, вся эта красочная симфония встала ярче и выпуклее; чтобы, не затушеванная чужими красками и не подходящими линиями, стала ярче красота Коктебели, ей одной принадлежащая. Может быть, розовые аллеи, и большие парки, и пышные цветники не подходили бы к Коктебели, спутали бы их, затушевали линии и краски Коктебели.

И развлекли бы коктебельцев и рассыпали бы их, увлекли бы от моря. А теперь они все стянуты к морю, и море — все для них, вся их жизнь. Море устанавливает порядок дня, манеры, костюмы. Самые частые ежедневные прогулки по морю, вдоль моря, по длинному пляжу, что тянется на две — на три версты от левых желтых холмов к подножию темно-зеленого Карадага. По влажному песку рядом с коварной

Крымъ. Кокъ-Тебель. Дача Манасеиной.
Crimee. Kok-Tebel. Dacha Manaseinoy.

Фотооткрытка, 1910-е годы.
Изд. И. Вассерман, Феодосия

Крымъ. Кокъ-Тебель. Сююрю-Кая въ облакахъ.
Crimee. Kok-Tebel. Syuruy-Kaya v oblagakh.

Фотооткрытка, 1910-е годы.
Изд. И. Вассерман, Феодосия

морской волной, которая любит играть с людьми и подкарауливает зазевавшегося путника, чтобы обдать его именно, когда он не ожидает, — нельзя ходить в беленъких модных туфельках и в белых, по-американски завернутых брюках. Нужно иметь плохенькую туфельную обувь, а еще лучше снять всякую обувь и, подобрав юбки, заворотив до колен брюки, ходить босиком по мягкому, бархатному песку, заходить именно в волну, чтобы она обдала ноги сильным и приятным ощущением. И нигде в Крыму не ходят столько босиком, как в Коктебели. Нельзя там ходить в корсетах, в тесных платьях, потому что море не позволяет, потому что неудобно так лежать, но и нельзя не полежать на мягким, теплом песке, на котором так хорошо дремлеется. А выкупашься, не хочется идти домой, и дамы, привыкшие в других местах к другим манерам, долго бродят по песку в фиговых костюмах, стыдливо поднимая подолы, заходят в волну, чтобы поиграть с волной, чтобы обмануть волну, когда ей хочется тяжелой массой ринуться на берег. И порядок дня определяет море.

Перед завтраком нужно выкупаться, — любители и любительницы купаются еще и перед обедом. А между завтраком и обедом нужно лежать на песке.

Там — клуб, свидания друзей. Часами сидят и лежат на берегу группы знакомых и беседуют; раскрытые зонтики вставлены в песок и образуют навес от коктебельского горячего солнца.

Молодежь в это время карабкается на Карадаг, бегает в Отузы или по берегу моря, к Феодосии, а солидные люди лежат и сидят на песке, под навесиками или на террасах, непременно к

морю открытых. А вечером все на берегу, — и старые, и молодые; и, когда всходит луна и загорается море золотым и серебряным огнем, люди идут группами вдоль моря, тихими шагами, с тихим говором. Изредка песня прозвучит... А потом ночь приходит.

В Коктебели нет общественного сада, нет "музыки" садовой, нет учреждений ни распивочно-ни на вынос. Люди ложатся спать рано, и ночи безмолвные, бесшумные, — разве разгрязутся собаки, приходящие по ночам из болгарской деревни снискивать себе пропитание у дачных домиков.

Там есть и развлечения, и даже спорт, — и спорт и развлечение создает то же море, как лес создает хождение за грибами, как река или озеро — рыбную ловлю.

Есть знаменитые коктебельские камешки, которых больше нигде нет. Должно быть, они впитали в себя все цвета, все краски карадагских горных пород, краски солнца и месяца, краски неба и моря, все переливы коктебельских красок. Они белы, как снег, и черны, как ночь, голубые, зеленые, синие и лиловые, как бывают море и небо, и горы, и розовые и красные, как Карадаг в заходе солнца, и ярко-золотые, как палючее коктебельское солнце. Агаты и халцедоны, сердолики и всех цветов яшмы, и ограненные и отшлифованные морем кусочки прожилистого мрамора.

И феодосийский художник, так воплотивший на полотно прелест Карадага, до сего времени не может взять этих необыкновенных красок коктебельских камней — нет их у него на палитре; может быть, и вообще их нет на палитре художников.

Сначала вновь приезжий только приглядывается к камешкам, а потом начинает понемногу копаться в песке, а потом поиски камешков переходят в спорт, в страсть, в тихое умопомешательство, принимающее характер эпидемии, как бывает с грибными людьми, с рыбными людьми, с начидающими велосипедистами, с начидающими фотографами-любителями. Тогда такой человек — конченый человек. Он встает рано утром и идет на берег. Как грибные люди встают позже, пока не обобрали грибов, так и он, — пока другие не выбрали лучшие камешки, которые нанесло за ночь море. И можно видеть босоногих мужчин и дам, которые по утрам ходят вдоль длинного пляжа с наклоненными головами, пристально разглядывающие песок и край волны; и для них уже не существует ни моря, ни Карадага, ни неба. Или лежат часами и роются в золотых россыпях прибрежных песков, в известных им урожайных, грибных, т.е. камешковых, местах. А когда случится буря на море, — к сожалению, так редко случающаяся летом в Коктебели, — и за ночь море набросает из своей глубины на берег целые бугры камешков, тогда коктебельцами овладевает буйное умопомешательство. Выходят особенно рано все одержимые, так как в такие утра сбегаются за камешками болгарские бабы, девочки и мальчики. Тогда начинается азарт. В большинстве случаев они все опаздывают. С раннего утра, как только можно рассматривать камешки, успевает обежать весь пляж специалист, который на лето для камешков переселяется в Коктебель; и привычные зоркие глаза его и жены его успевают отобрать самые дорогие и красивые, красные и розовые сердо-

лики и халцедоны, и те камешки с причудливыми рисунками, которые — говорят — так ценились в Средние века и красовались в печатах и перстнях владетельных особ.

И он же, выбрав, что ему нужно, подойдет к вам и предложит купить у него коллекцию, изумительную по красоте и разнообразию, за 100 и 150 руб.

Постепенно, чем больше присматриваешься к Коктебели, начинаешь думать, что самые минусы Коктебели есть плюсы: и палючее солнце, и выжженная степь, и отсутствие дождей и растительности, и большая сухость воздуха, — большая, чем даже в сухой Ялте. Даже недостаток прогулок, отсутствие всего развлекающего и отвлекающего от моря... Хорошо здесь летом (Коктебель — исключительно летний курорт) нефритикам, ревматикам, и Коктебель даже давний курорт для больных ревматизмом Феодосийского уезда. Приводят скрюченных людей крестьяне и мещане из деревень, из Старого Крыма и оставляют на песке. Утром, когда солнышко разгорится, приходят они из болгарской деревни, скрюченные люди, раздеваются, закапывают себя в горячий песок и с красными лицами, с льющимся с них потом, сидят в песке, пока не станет мутиться в голове. Хорошо больным, которым нужно что-нибудь рассасывать, — железы, всякие выпоты, остатки не вполне рассосавшихся воспалений, — хорошо всем, кому нужны морские ванны, солнечные, песочные ванны. Но лучше всего в Коктебеле летом детям. Мне пришлось лечить нескольких, привезенных после тяжких болезней, после воспалений легких, после скарлатины, так называемых золотушных де-

тей, — поправляются они чудесно. Они целый день бегают голеные, с маленькими поясами вроде тех, что носят африканские дикари, и быстро становятся такими же черными, как они, не загорелыми, — именно чернокожими. И некуда им деться, кроме моря. Все они становятся любителями камешков и начинают собирать коллекции. Целый день, кроме часов еды и спанья, проводят они на берегу моря, — или купаются, или бегают по пляжу, или строят песчаные города, или лежат и выбирают камушки.

Коктебель — будущий летний, и в особенностях детский курорт. Длинный и широкий песчаный пляж с мягким песочным морским дном, он создает условия для превосходных морских купаний. Мне вспоминаются виденные мною чисто летний курорт Остенде, Биарриц, некоторые места французской и итальянской Ривьеры и, наконец, наши русские курорты — Евпатория и Симеиз, Алушта, Анапа и Сочи, — я не скажу, чтобы Коктебель была лучше их, но она имеет в этом смысле свою яркую индивидуальность, и будущее несомненно учитывает эти особенности — индивидуальности Коктебели, как и Судака. Теплое море, большая сухость воздуха... С половины июня там более или менее устанавливается температура моря от 17-18°, к половине июля и началу августа поднимается до 20-21, даже 22°. Там целыми месяцами не выпадает дождь, небо почти всегда безоблачно. Из всего этого создается необыкновенная приятность тамошнего купания, быстрое согревание тела после выхода из моря, а главное — сильная реакция на кожу, — для некоторых малокровных и очень нервных людей, быть может, даже слишком сильная.

И, повторяю, прежде всего детский курорт, для известной категории детей, в особенности для больных детей в указанном мною выше смысле, категорию которых, конечно, придется определять тем врачам, которые близко присмотрятся к влиянию Коктебели на детей.

Не думаю, чтобы Коктебель когда-нибудь пригодилась для туберкулезных больных (легочных): и коктебельская пыль помешает, да и, по-видимому, чрезмерная сухость, как и чрезмерная влажность воздуха, одинаково неблагоприятно отзываются на легочных туберкулезных больных.

Коктебель живет и растет, претерпевая ту же эволюцию, которая развертывается на всем черноморском берегу, начиная от Севастополя и до Батума.

Эта эволюция — изумительна по своему темпу, — изумительна для России, конечно. За 16 лет моего знакомства с Южным берегом Крыма он сделался неузнаваем. Сильно выросли старые курорты как Ялта, Гурзуф, Алушта, появились новые курорты, которых не было и в помине 15 лет тому назад, как Симеиз, Суук-су да, пожалуй, и Судак, — так незначителен он был тогда. Стали заселяться раньше пустынные, безлюдные, прибрежные местности под Севастополем между Кикенеизом и Лименами, даже пустынные места между Алуштой и Судаком вроде Капсихора.

Коктебель только начинает жить, и на Коктебели можно проследить образование курорта. Еще недавно там было одно огромное имение Юнге¹⁵, бывшего профессора и директора Пет-

ровской академии, и был дом на горе, тоже принадлежавший доктору, и жили две певицы в домике у моря, — а больше ничего не было. И еще три года назад земля была дешева и дома можно было пересчитать по пальцам. Их нетрудно пересчитать и сейчас, но даже за три года, которые я не видал Коктебели, она выросла по крайней мере вдвое и начинает уже уходить от моря за шоссе, к горам. Появилась уже гостиница, оказалась предприниматель, который выстроил ванное заведение. Кроме линеек, которые два раза в день ходили из Феодосии и обратно, с нынешнего года появились — так говорили мне — срочные автомобили. Другой предприниматель собирается установить сообщение с Феодосией морем на моторных лодках. Сначала там строили дома только местные, таврические люди, батюшки из Симферополя, из Мелитополя, учители, сельские и городские, складывались, покупали маленький участочек и выстраивали дешевый колыбельный домик, а потом стали строиться инженеры и доктора, и Г.С.Петров¹⁶, вынужденный окончить свою священническую карьеру и поселившийся в Коктебели на постоянное житье.

Пока больше живут постоянные люди, устроители, настоящие созидатели курорта, которые приезжают на лето и живут в своих домах, но год от года растет число приезжих людей, снимающих комнаты в домах у моря и в деревне у болгар. Пока все демократично и все смешано. Устраиваются два-три раза в лето концерты и литературные вечера в доме одного из батюшек, где играют, декламируют, поют хором, в которых иногда выступает г-жа Дейша-Сионицкая¹⁷, тоже выстроившая себе дом в Коктебели.

И пока все дешево. За 25-30 руб. в месяц можно иметь комнату, за 50 к. — хороший обед, линейка в Феодосию стоит дешево, и с линейкой можно получать из города, чего недостает в Коктебели. В деревне, впрочем, есть лавочка. Не нужно тратиться на костюмы, можно бродить по морю босиком и в чем Бог послал лежать целые дни на прибрежном песке.

Там все еще в периоде созидания и малой культуры, люди с повышенными требованиями не помирятся с коктебельской жизнью, но зато пока там привольно и просторно. И там море чудесное, восхитительный Карадаг...

И уже образовалось Общество курортного благоустройства, какие последнее время всюду возникают на Южном берегу Крыма. Общество не строит еще курзала¹⁸ и не приглашает музыки, но уже хлопочет об открытии почтового отделения в Коктебели.

И даже ходатайствует о городовом...

Отузы

“Самая миловидная полоса этой части Крыма по мне Отузы...”

Из письма А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву.

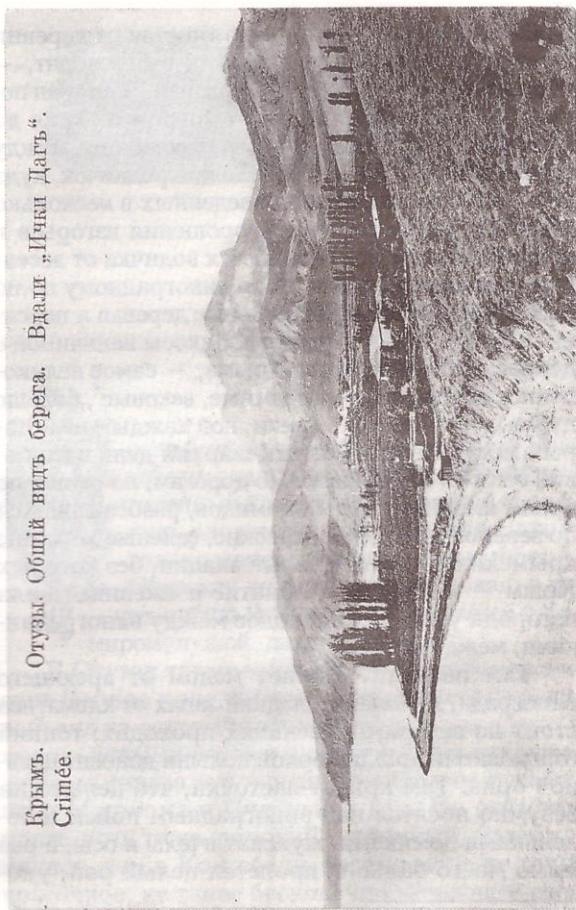
осле безглагольной, недвижимой Коктебели, где только море горит, как драгоценный камень, вставленный в тусклую оловянную оправу, где пахнет только морем, звучит только море, — Отузская долина, такая близкая, в каких-нибудь 9-10-и верстах, кажется иным миром, чужой, дальней страной...

В Отузах также море, то же красивое крымское Черное море, с берега открывается красивый вид на острые пики массивного Карадага, и можно целыми часами любоваться на открывающуюся справа затуманенную лиловым туманом цепь Меганома и Судакских гор. Но отузский пляж, хотя тоже широкий и длинный, более каменист, чем в Коктебели, и само море не такое красочное, не такое бесконечно меняющее свои цвета. Красота Отуз — в самой долине, в этой протянувшейся на три версты, то суживающейся от близко сдвинувшихся гор, то снова широко

раздвигающейся долине, что тянется от деревни Отузы до моря. Она зеленая, как дети говорят, — зеленая-раззеленая, она виноградная. Виноград покрыл ее сплошным зеленым ковром от края до края, он взирается на взгорья, в ложбины, между скалами, везде, где есть маленький родничок, куда доходит вода из канав, проведенных в несколько этажей с верху речки для орошения взгорьев и ложбин, где просто скопляется водичка от весенних и летних дождей... А по виноградному полю рассыпаны нежные миндалевые деревья и персики, и шелковицы, груши и абрикосы величиной с добрые дубы, и красота Крыма, — самое великолепное дерево его, — огромные, вековые*, большие дубов, густо-зеленые орехи, под каждым из которых могут сидеть в самый жаркий день в глубокой тени 15-20 человек. По дорогам, по речке, по краям имений, у белых домиков, разбежавшихся по зеленой долине, — высокие, зеленые колонны крымских тополей и белые акации, без которых Крым — не Крым. Клематис и ежевика увили изгороди узеньких проходов между виноградниками, между дачками.

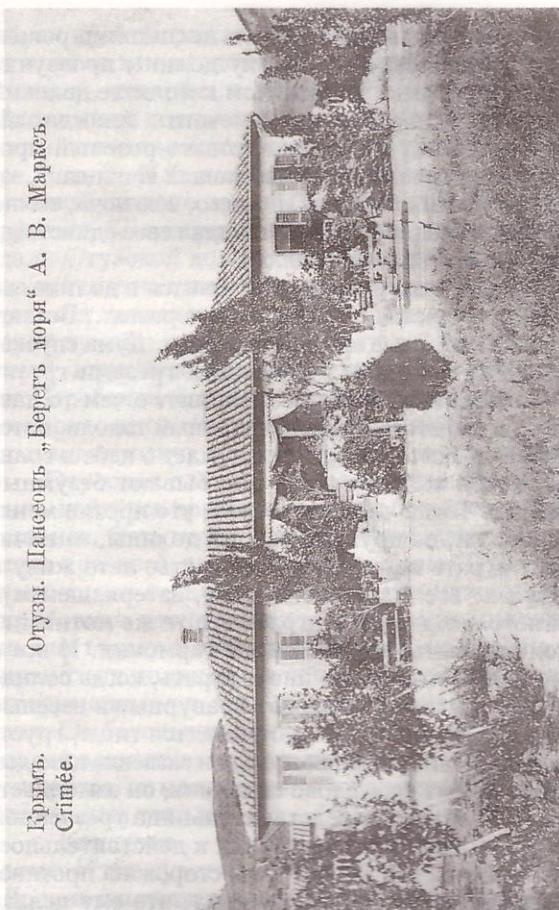
Там пахнет... Пахнет медом от зреющего винограда, душный и сладкий запах от клематиса стоит по вечерам в узеньких проходах; тонкий горьковатый аромат горной полыни доносит дневной бриз. Там кричат ласточки, что целые дни безумно носятся над виноградным полем и беленькими домиками, жужжат пчелы и осы, и раз мимо моего балкона пролетел целый рой, ухо-

* Профессор лесного института так определил мне возраст одного из подобных орехов в Байдарской долине: “Можно ручаться, что больше 500 лет, а сколько именно, неизвестно”.

Крымъ.
Симеонъ.
Отузы. Общий видъ берега. Вдали „Ичкы Дагъ“.

Фотооткрытка, 1910-е годы.
Изд. И.Вассерман, Феодосия

Крымъ.
Симеонъ.
Отузы. Пансионъ „Берегъ моря“ А. В. Маркесъ.

Фотооткрытка, 1910-е годы.
Изд. И.Вассерман, Феодосия

дивший в вольные горы от дисциплинированных ульев. Изредка вверху долины прозвучит меланхолическим призывом к молитве далекий голос муэдзина с отузской мечети... А когда зайдет солнце за горы и желтовато-розовый прозрачный туман покроет массивный Йчки-даг¹⁹, запоют, зазвенят цикады, и долго, всю ночь, томно и грустно выговаривает сплюшка свое единственное слово: "сплю", "сплю"...

Тогда тихо и нежно становится в долине, не шелестят листья, не качаются деревья... Встают тонкие и нежные ароматы долины. Дума спускается над долиной... Сладкими грезами грезит виноград, и орех все размышляет о чем-то давнем, позабытом, и пирамидальный тополь, который все несется вверх, все думает о небе и солнце, такой же безумный, как бывают безумные люди... Тогда человек, — тот, что против меня, за речкой, по другой сторону долины, — начинает играть на гармонии. Я третье лето живу в Отузах, все в том же домике, затерявшемся в винограде, и он все играет все те же мотивы и, должно быть, все на той же гармонии. И все в то же время... Он начинает играть, когда солнце уходит за горы, — играет бравурные и веселые мотивы, и потом звуки становятсятише, грустнее, и, когда загорятся звезды и зазвенят цикады, и выговорит свое слово сплюшка, он замолкает. Моя садовница, представительница трезвенной мысли и делового отношения к действительности, говорит, что тот человек, сторож на противоположной даче, играет потому, что ему делать нечего и незачем сторожить, а я не верю, и все мне кажется, что он думает, так же думает, как и орех и тополь, и, как сплюшка своим голосом,

гармонией выражает свои мысли. Я не видал его, но он мне представляется черный, с круглой головой, как арбуз, с облупившейся кожей и выщипанными на солнце глазами. Когда он оставляет гармонию, он сидит у огня, — должно быть, перед ним этот желтоватый огонек на противоположной стороне долины, — он подпирает лицо руками, — смотрит в темнеющую, затихающую даль Отузской долины и думает протяженные, но все еще не сложенные русские думы, у которых нет начала и которым нет конца, про то, что орех думает, куда тополь несется. Может быть, он — внук шевченковского старого и химерного Перебенди и, как тот, думает о том, "что море говорит, де солнце ночует"; может быть, также пытается отузскую черную гору, "чего та нима".

Отузская долина — миловидная. Быть может, найдутся крымские долины больше и значительнее, быть может, скажут, что Судакская долина красивее, но определение, данное Грибоедовым, само верное, и, может быть, нужно даже прибавить, что отузская долина самая миловидная не только в этой части Крыма, но вообще из крымских долин, по крайней мере тех многих, которые видел я. Она ласковая, уютная, интимная. От беленьких домиков и зеленого винограда, от задумчивых густолистенных орехов, от сплюшки, от молитвенного зова муэдзина, от молитвенных тополей.

Как дома — в старом, обжитом, уютном доме. И все чувствуют себя в Отузах, как дома. Долина принадлежит трем-четырем десяткам давно поселившихся в Отузах семейств караимов, армян, греков, татар, редких русских. Приезжих людей мало, и приезжие люди тотчас же разство-

ряются в оседлом населении. Все если не знакомые, то знают друг друга, и все известно в долине, все на знати, по-семейному, интимно и уютно. Известно, что сегодня в домике над морем чебуреки, а завтра предполагается шашлык в кофейне на берегу моря, куда зовутся хорошо знакомые и мало знакомые люди, а вчера был "бал", на котором были люди, только что вчераувидевшиеся. Делается известным, что в беленький домик в долине приехали сродственники, "паньчи" и барышни из Карасу-базара, из Старого Крыма, из Феодосии и предстоят опять чебуреки и шашлыки, и коллективные экскурсии вдоль моря, в Кизильташский монастырь.

Особая тишина в долине. Карадаг защищает Отузы от летних жгучих восточных ветров, не свертываются отузские листья, как в Коктебели, и только бризы утром с моря, ночью с гор с неизменной правильностью тянутся по узкой долине. А с четырех часов и до начала ночи, когда играет гармония, все тихо и недвижимо, не шелохнется лист на дереве.

Тихо и от людей. Не толчется приезжая публика. Шоссе — за 3-4 версты от моря, и не видать из долины ни омнибусов, ни линеек, ни бесконечных мажар, ни экипажей, что постоянно проезжают мимо Коктебели из Феодосии в Судак и из Судака в Феодосию. И некуда ехать через долину, — впереди только море и Карадаг. Проедет мажар с желтыми, красными, зелеными и лиловыми отузскими татарками, едущими купаться в море, пройдут татары на свои участки собирать черешни, сливы, груши и персики, проедет экипаж с хозяевами или гостями отдельных домиков в виноградниках, с северными

гостями в пансион Маркса²⁰ на берегу моря, в санаторий профессора Вяземского²¹ на Карадаге. Изредка проедут экипажи с коктебельцами, стосковавшимися в своей голой земле, пожелавшими полюбоваться на чужую красоту зеленої Отузской долины, — и снова тихо, безмолвно в укромной долине.

Как море определяет всю жизнь Коктебели, так виноград задает тон Отузской долине. Ранней весной являются люди, до тысячи человек, перекапывать виноградники Отузской долины, разные люди из окрестных деревень, из северных уездов Крыма и из той нации, которая в Отузах называется "кацапами". Виноград заполняет летние работы, и сбор винограда открывает бал Отузской долины.

Тогда приезжают не "паньчи", а "старые", тогда необыкновенное оживление начинается в Отузской долине. Скрипят огромные мажары по узенькой, пыльной дорожке долины, нагруженные новыми бочонками для винограда, пробковыми опилками для его укладки, тогда стук идет по долине, заколачиваются бочонки с виноградом, чтобы отправить их в Москву, в Петербург, в Варшаву. Тогда горластые девки стаями, как ласточки, носятся по виноградному морю и целую ночь все поют и поют, а музыкальные парни целую ночь играют на гармонике. И татары, если у них кончилась "ураза", поют свои унылые и протяжные татарские песни. А после уборки винограда играют свадьбы в Отузах, и музыка из Карасубазара гремит там целыми днями.

Когда убран виноград, пусто становится в долине, все уезжают, и остаются только садовники и сторожа. Тогда приезжают из Трапезунда, с

малоазиатского берега, турецкие баркасы, приезжают 300, 400, 500 человек ловить рыбу в отузском море; они поселяются в землянках, выстроенных на берегу, и тогда начинается совсем особая зимняя отузская жизнь.

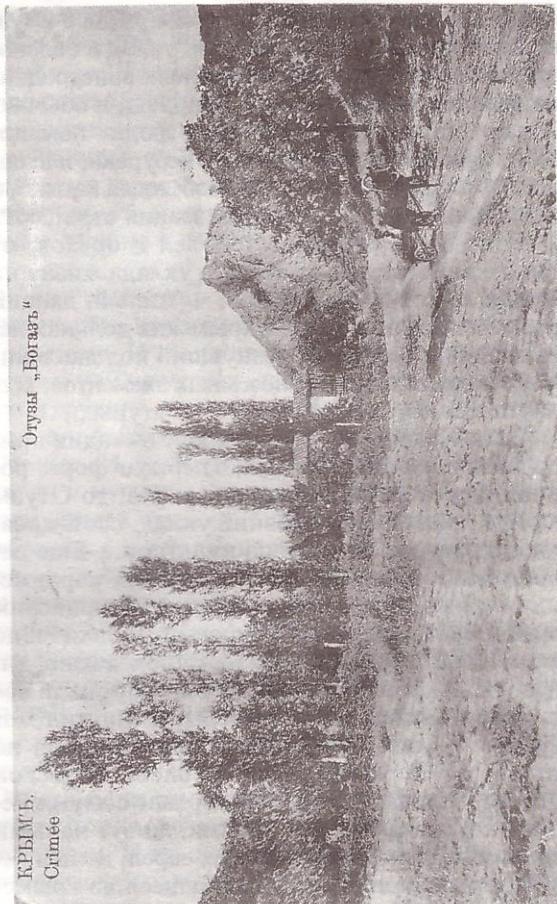
Тянутся в Феодосию мажары с камбалой, осетрами, огромными белугами, а по пятницам сотни людей, молчаливых турецких людей, идут через долину в отузские мечети.

Все здесь старое, давнее, обжитое... И деревья старые, исконные, тутoshние, прирожденно-крымские. И высокие старинные тополя не вывезены из Туркестана, и вековые орехи, и миндали, и груши, — все тутoshние, натуральные отузские, а чужих деревьев и чужих груш пока нет в Отузах. И виноград... Есть здесь и шасля, и чауш, и мускаты, но настоящий виноград, которым живы Отузы, — “шабаш”, который культивировался и сто лет назад, и, может быть, с тех пор, как началось виноградарство в этих местах. И земледельцы все давние, получили землю от дедов и прадедов, а деды и прадеды покупали землю даже раньше того, как “прискакал ночью при лунном сиянии” Грибоедов в Отузскую долину²², — покупали у старых ханских мурз, у наследников Потемкина, только что завоевавшего и мурз, и шабаш, и крымские тополя. Есть в Отузах один землевладелец, роду которого его земля принадлежала еще до завоевания Крыма русскими. И дома у них выстроены по-старому, по-древнекрымски: беленькие, уютные, низенькие, одноэтажные или на татарский манер двухэтажные, с террасами, верандами, увитые виноградом, окруженные грушами, тополями и орехами

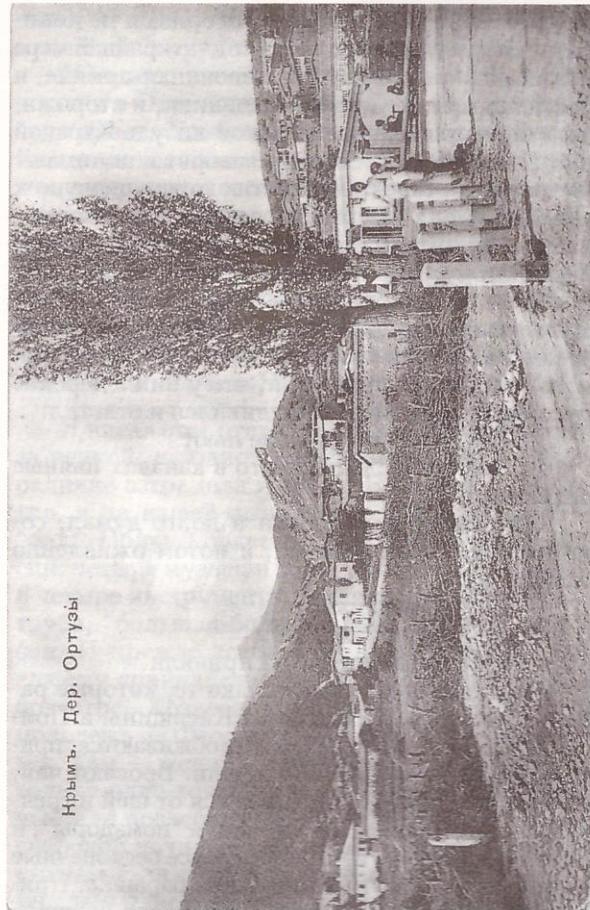
и, кажется, нет ни одной железной крыши в Отузской долине. Давний крымский уклад в беленьких домах, затерявшихся в зеленых виноградниках, давние манеры жизни, и нравы, и обычаи. Кушают натуральные отузские люди “помадоры”, и кабачки, и баклажаны, и чебуреки, и шашлычки, и каурму, и масаку, и неизбежный катык²³, а блюда иной культуры и цивилизации отрицают.

И от всего этого, от тополей и орехов, от старого винограда и от старого уклада жизни на Отузах лежит особый стиль, — милый, давний крымский стиль, в других крымских долинах исчезающий и частью исчезнувший под давлением все надвигающихся иноземных элементов, вселенной и неуклонной новой культуры.

Если Коктебель уже целиком в стадии присоединения к этой культуре, в периоде формирования обычного крымского курорта, то Отузы все еще хранят свой древний уклад, свою древнюю культуру. Татарскую культуру... Еще недавно даже в богатых и культурных караимских семьях языком семьи, родным материнским языком был татарский. “Евреи-крымчаки” и по сие время говорят только на одном языке, татарском, и кроме религии целиком приняли все от татар: и костюмы, и манеры, и занятия²⁴. В деревне Отузах, что отодвинулась от моря на пять верст и раскинулась в голове Отузской долины, большой татарской деревне с двумя мечетями, с лавками и кофейнями, живут малыми группами всякие люди: армяне, евреи, немцы, — безземельные немцы, выселившиеся из крымских колоний, караимы и русские; но не немцы, армяне и русские вносят свою культуру в Отузы, а они сами подчиняются отузской культуре.

Фotoоткрытика, 1910-е годы.
Изд. И.Вассерман, Феодосия

Фotoоткрытика, 1910-е годы.
Изд. И.Вассерман, Феодосия

Немцы и болгары могут не говорить и не понимать по-русски, но все говорят и по крайней мере понимают по-татарски. И лавочники-армяне, и рассыпанные по долине садовники, и сторожа, хотя бы и приехавшие из какой-нибудь Курской или Полтавской губернии, говорят и понимают по-татарски. Как-то я встретил группу немецких детей, шедших из Отуз купаться в море и оживленно болтавших по-немецки; по дороге к ним пристали русские и татарские дети, и сейчас же пошел не менее оживленный разговор на татарском языке. Не один язык... Я спрашиваю почтенного старика-татарина из Отуз, моего близкого знакомого, правда ли, что у них в деревне русские сильно пьют; он удивился и ответил:

— Нет, русские у нас не пьют.

— Как же я слышал, что в канавах пьяные валяются?

Он был очень удивлен и долго думал, сомнительно качая головой, и потом оживленно выговорил:

— Да, это кацапы!

И прибавил:

— Русские наш обычай приняли.

Весь обычай... И не только те, которые разумеются здесь русскими из Киевщины и Полтавщины, но и "кацапы", когда обживаются, принимают отузскую манеру жизни. Бросают чай, переходят к кофе, отказываются от щей и гречневой каши и приемлют катыки, и "помадоры", и каурму, и масаку, и чебуреки, и все бесконечные манеры отузского использования барашка. Приемлют давно выработанное татарское обычное право, — в пользовании водой в рыбацких артелях, в соседских деревенских конфликтах. И если

пьют, то переходят от водки к вину, от которого медленнее и труднее переходят в канаву.

И татары вносят известную долю мягкости и ласки в Отузскую долину. Они деликатные, с чудесными восточными манерами... воспитанные. Воспитанные давней мусульманской культурой, тем совершенно особым чувством собственного достоинства, которое воспитало старое, искони демократическое мусульманство. По человеческой слабости они устраивают "марафеты" про между себя и с приезжими людьми; но эти марафеты тоже носят какой-то особенный татарский характер, — они немножко смешные, немножко наивные и не очень злостные.

Я писал этот очерк, когда на другой стороне, за речкой, на одной из беленьких дач в винограднике загремела музыка. В Отузах — событие, и на нашей стороне все известно. Там — "бал". Полный оркестр, привезенный из Феодосии: четыре музыканта, два цыгана и два грека, и четыре инструмента: скрипка, флейта, медная труба, "большая-большая медная труба", и бубен. И прежде всего и после всего бубен, так как ему принадлежит наиболее активная роль в оркестре. Хозяева и гости — все караимская молодежь из Феодосии, двадцать-тридцать человек. Там — жених и невеста, и на нашей стороне только одно точно не установлено: передбрачный или послебрачный это бал. Весь вечер и до глубокой ночи неслись с той стороны татарские мотивы — и грустные, протяжные мелодии, и веселые плясовые, где бубен зеливался, пел и кричал, и в промежутках татарские песни и ре-

* Татарское определение мошенничества.

читативы, исполнявшиеся теми же музыкантами. Все татарское... И только раз за долгий вечер я услышал своеобразное попурри, своеобразно понятое и истолкованное; там было "Ой, лихо, не Петrusь!", грустная татарская песня, потом коротенькая вставка "Вниз по матушке по Волге", а потом татарский плясовой мотив.

Затихает бал, не кричат там "ура", не хлопают ладони в такт музыке, не слышно топота пляшущих ног. Устал бубен и только глухо и сонно гудит: "Бум-бум-бум" ... Замолчала большая медная труба, и только флейта все поет что-то грустное, жалобное... А над Ички-дагом встал золотой двурогий месяц, мусульманский месяц, словно оторвавшийся от золотого шпица стамбульского минарета и приплывший сюда, на родной Ички-даг; а под ним, внизу горы, — молитвенная свеча недвижимого тополя.

Только в этот вечер не играл на гармонии сторож смежной с пиром дачи, — должно быть, все слушал чужую музыку и проникался чужими мелодиями.

Она недолго сохранится, эта старая татарская отузская культура, и будет так же ломаться и уходить, как ломается уже и уходит она в других местах Крыма. Уже много культур, верований сменилось в Крыму за долгую его историю. Они расцветали, крепли, росли, а потом сменялись другими культурами, другими верованиями. Все крымские горные дорожки истоптаны, и долины исхожены бесчисленным количеством проходивших через Крым племен. Они откуда-то приходили, оседали на некоторое время и опять куда-то уходили, но, уходя, оставляли следы своей жизни, навыки и манеры и оставляли частич-

ки своей крови в местных людях, которые не все, вероятно, уходили. И, как знать, какая кровь и откуда во всех этих исконных народностях Крыма — и в евреях, крымчаках²⁵, и в караимах, и в самих татарах, — в этих высоких, стройных фигурах, в которых так много европейского и так мало азиатского?

Есть и сейчас следы старой жизни в давних, заброшенных водопроводах, в находимых монетах древних эпох, в откапываемых амфорах, в старинных, диковинных бусах, которые выбираются по временам море... Татары рассказывали мне, что в горных лесах попадаются какие-то плиты, обломки старой посуды, чьи-то могилы. Есть и старые святыни... Высоко над Отузской долиной, близ родника, вытекающего из горы, еще держатся стены древней церковки, и можно разобрать, где был алтарь, и кучи мусора свидетельствуют о бывшем жилье при церкви, а еще сохранившийся, хорошо обделанный водопровод говорит о культурных навыках тогдашних древних людей. Цепкие, колючие ветви ежевики и клематиса окутали старые камни и овражек при церкви, и под ежевикой и разросшимися деревьями мы нашли еще невыродившиеся виноградные лозы со сладким белым виноградом. Когда служили там службу, кто знает? Говорят о 13-м и 14-м веке, а может быть, на этой горе молились Богу и раньше, во времена Кирилла и Мефодия, может быть, еще раньше²⁶...

С слишком тысячу лет назад мимо Отуз проходили славянские первоучители Кирилл и Мефодий, возвращавшиеся с проповеди из Хозарского царства, с которым связывают происхождение караимов. И тогда уже существовали Су-

рожская (Судакская) и смежная с ней Фульская епархии, и, может быть, где-нибудь около Отуз происходило то, что рассказывает жизнеописание Кирилла и Мефодия. Жили там христиане, весьма чтившие “огромный дуб, сросшийся с черешней, у которого они приносили жертвы, называя его по имени Александр, и не позволяли женскому полу приступать к нему и жертвам его”. На упреки Кирилла, — тогда еще Константина-философа, — жители отвечали: “Не мы начали это делать, мы это приняли от отцов наших, и у этого дерева находим исполнение прошений наших, через него сходит к нам дождь и многое другое”.

Константин-философ убедил их. “Приняв из рук философа белые свечи, с пением отправились к дереву. Константин, взял топор, сам ударил им 33 раза и велел всем рубить его, выкорчевать и сжечь. В ту же ночь дождь, посланный Богом, напоил землю”... И никто не умер, как думали тогдашние жители.

С тех пор много выросло дубов и черешен в отузских местах и много других вероучителей и апостолов прошло по крымским долинам.

Придет и уже идет другая культура, и скоро другие мотивы зазвучат в крымском разноплеменном музыкальном попурри; принесут ее люди с севера. Люди, которых все больше и больше тянет к себе великий крымский Александр, которые все больше идут к нему со своими прошениями: недугующие и скорбящие — об избавлении от недугов и скорби, потерявшие радость и веселье — о радости и веселии.

Придет и кацап, этот великий стихийный ассимилятор, так легко ассимилирующийся со всем

и со всеми и так способный, ассимилируясь, ассимилировать...

Кто бы ни пришел в Крым, из каких бы суровых чуждых мест ни приходили люди, — они делаются крымскими людьми. Как виноградные лозы, пересаженные из Испании и Франции и с острова Мадеры, теряют здесь часть своей индивидуальности и становятся крымскими лозами, так и люди, какие бы они ни были и из каких бы холодных мест они ни приходили, размякнут и разнежатся, и примут в свои души часть души моря и тополя, немой горы и золотого крымского месяца. Но будет другая культура, будет новое производное из Крыма и новых людей.

И отузское уединение — не долгое уединение. Прившая жизнь рвется в Отузы. Напор северной и центральной России на Крым так велик и так неуклонно прогрессирует на всем протяжении Крыма от Севастополя до Феодосии, что ни Отузы, ни другие тихие и пока уединенные долины, вроде Капсихора, Туака, не долго останутся такими. Это — вроде ливня в горах, перед которым не устоят никакие загородки в долинах...

Отузское уединение, в сущности, уже кончается. Крупные участки разбиваются на мелкие и распродаются по кускам пришлым людям, распродаются приморские участки, удаленные от деревни и несподручные для обычной виноградной культуры. Появляются в долине и на прилегающих взгорьях новые дома, принадлежащие новым людям с севера, не имеющим касательства ни к Феодосии, ни к Старому Крыму, ни к Карабазару. Говорят, отузское татарское общество соби-

рается разделить на участки и распродать общинные земли над морем, безводные и бесплодные, непригодные для виноградной и садовой культуры и очень пригодные для дачного поселка.

За три года моей жизни здесь физиономия Отуз значительно изменилась. Выросли новые домики среди винограда и на взгорьях, появилась аптека в Отузах, открылась вторая кофейня на берегу моря, — и участки земли все раскупаются. В нынешнем году особенное оживление, гораздо более экипажей проезжает через долину, появились автомобили и даже сделались обычным явлением. И приезд увеличился... Мой знакомый, отузский старожил, совершенно серьезно говорит мне: "Знаете, в нынешнем году уже переполнение начинается". И поясняет, что уже человек на 15, а может быть, даже и больше, приезжих в сравнении с прошлым годом.

Пройдет 3-5 лет, и количество приезжих будет определяться уже не в 15, а в 150-200 человек.

Все будут раздвигаться виноградники, чтобы давать место человеку; будут покрываться голые взгорья человеческим жильем. Будет шумнее и люднее в Отузской долине, но одно останется — красота ее, уютный, миловидный характер Отузской долины.

Карадаг

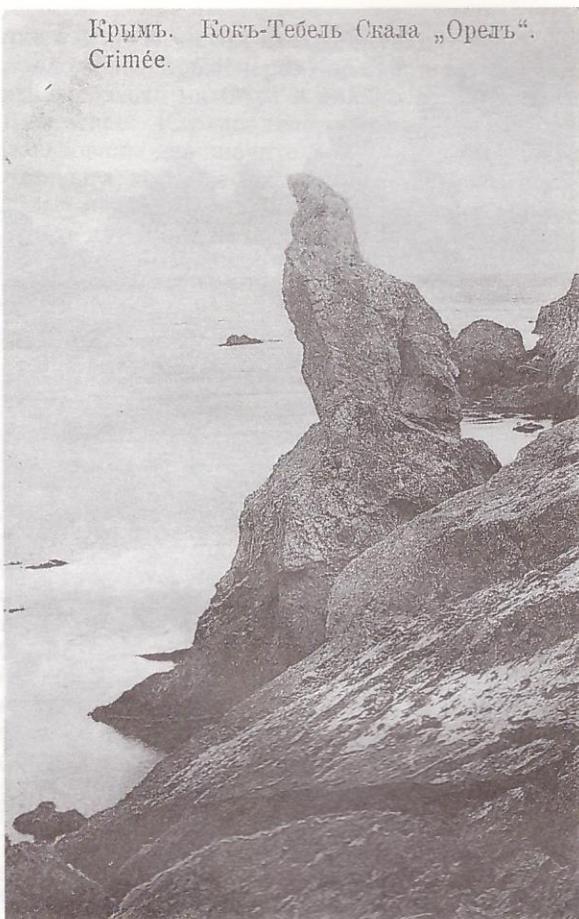
арадаг занял все пространство между Коктебельской и Отузской долинами — те восемь верст, которые их отделяют друг от друга. Он красивый, он весь как сказка... И он еще не так исхожен и истоптан, как другие известные Крымские горы, он еще дикий, не потревоженный, на нем еще спят старые сны. Я не знаю, откуда он красивее... С моря он мрачный, угрюмый, фантастический и почти не доступный. Огромные голые утесы перпендикулярно обрываются в море, и нет доступа с моря, и нет спуска с вершин. Там есть скала Иван-разбойник, а у скалы — глубокая пещера, разбойничья пещера, пиратская, контрабандистская. Теперь нет пиратов, редки контрабандисты, но мрачные традиции остались, и два года назад мой знакомый, молодой геолог, случайно открыл в пещере незадолго перед тем закопанный труп. Так и осталось неизвестным, кто он, кем и откуда привезен в это недоступное место, и было прекращено следствие "за нерозыском". Там из моря встают "Ворота"²⁷ — огромная арка на двух столбах-утесах. А потом — Сердоликовая бухта, куда ездят за сердоликами

отузские и коктебельские жители и где море неустанно пополняет расхищенные сердолики. Там Гяурбах²⁸ и огромный Хаос²⁹, равного которому по дикой красоте нет в Крыму. От моря на огромную высоту встают снизу острые, голые, лишенные растительности утесы, в диком беспорядке нагроможденные друг на друга... И нельзя опуститься к нему сверху, и нельзя подняться к нему снизу...

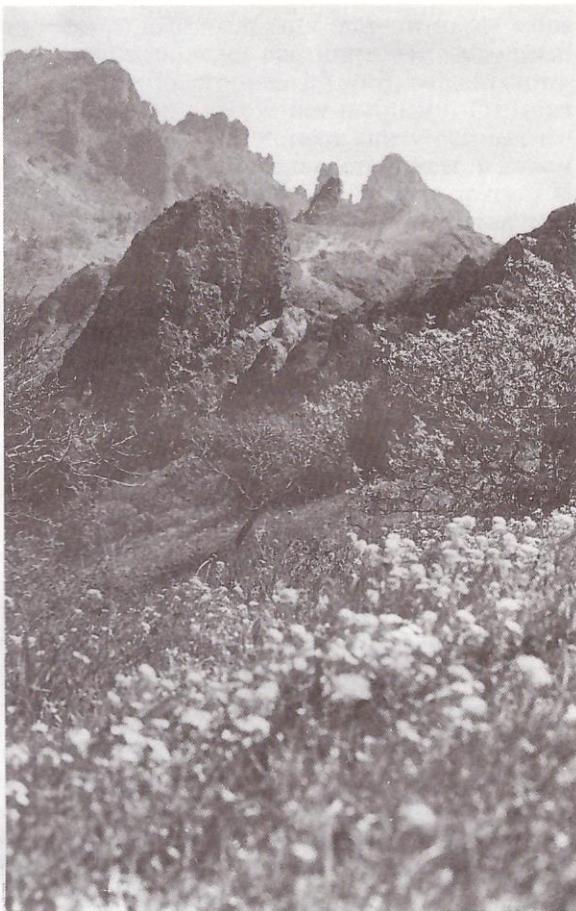
Со стороны Отуз Карадаг мягче, ласковее и доступнее. Там более отлогий подъем, открываются широкие площади, пригодные для человеческого жилья. Со стороны Отуз весь Карадаг представляется как огромная раковина, верхние края которой защищают его от северных и в особенности злых восточных ветров. Он открыт на юго-запад; туда открыты все лучшие места Южного берега Крыма. Все старые крымские поселения, древние городки и татарские деревни на берегу моря открыты именно на юго-запад: таковы и Алушта, и Гурзуф, и Ялта, и Алупка, и Симеиз. Люди знали, что "противные" ветры дуют с востока и с северо-востока, и строились спиной к восточным ветрам, и смотрели и смотрят на юго-запад, откуда всегда тепло и солнечно, и откуда идут хорошие ветры.

Теперь Карадаг пустынный. Имеется санатория проф. Вяземского; притаилась маленькая дачка, затерялись по отлогому подъему три-четыре домика, куда хозяева приезжают только на уборку винограда, попадаются плетневые загородки для овечьих отар — и только. Лес — на вершине Карадага, на Святой горе, а под ним — пустыня. Нет полей, нет садов, и только редкие пятна виноградников вносят некоторое оживление.

Крымъ. Кокъ-Тебель Скала „Орель“. Crimée.

Фotoоткрытка, 1910-е годы.
Изд. И.Вассерман, Феодосия

Отроги Карадага со стороны Отуз.
Фото Михаила Горшкова. 1992 г.

ние в старую, летом выжженную пустыню. Не проложены дороги через Карадаг, и существует выезд только из Отуз и только до санатории Вяземского. Карадаг теперь беден водой: не использованы два значительных родника вверху Карадага, которые так легко использовать и которые могли бы создать условия для земледельческой культуры на Карадаге.

А на зиму Карадаг совсем замирает, как покинутый жильцами и запертым на замок дом. Закрываются санатория, уходят люди, собиравшие виноград, и только овцы — исконные обитатели Карадага — бродят там, как бродили, вероятно, и триста, и пятьсот лет назад.

А между тем Карадаг — именно зимний курорт: быть может, нужно сказать — единственный зимний курорт в длинной полосе от Феодосии до Алушты. Если не считать Нового Света кн. Л.С. Голицына³⁰, ни Туак, ни Капсихор, ни Судак, ни Отузы и Коктебель не предуготованы природой для зимнего курорта — с крымской точки зрения... Все долины Крыма, весь Южный берег — превосходное жилье с точки зрения московской, петербургской и вообще северной и восточной полосы России; но Крым предъявляет свои особенные крымские требования к зимнему курорту, — и именно этим требованиям удовлетворяет Карадаг, хотя быть может и не в той мере, как Суук-Су, Ялта, Алушка, Симеиз.

По заявлению местных жителей, ветры бывают и там по зимам; они бывают и по всему Крыму, но за четыре года моего знакомства с Карадагом мне много раз приходилось летом и осенью наблюдать тишину в Карадаге, в то время как в Коктебеле и Отузах были ветры. Я

сравнивал температуру, и всегда в Карадаге оказывалось на 3-4 °С теплее, нежели в Отузах.

Местные жители устанавливают, что зимой эта разница гораздо значительнее, что в Карадаге бывает тепло, в то время как в Коктебеле мороз.

Там растут кипарисы, которые вымерзают и не могут расти ни в Отузах, ни в Коктебеле; там виноград поспевает на две недели раньше, чем в Отузской долине, и другой виноград, со значительно большим — что установлено анализами — процентным содержанием сахара, чем в отузском винограде.

Помимо защищенности от ветров, огромной солнечности, в Карадаге есть еще условие, которое предопределяет особое значение Карадага в будущем как зимнего курорта: он — сухой. Там нет кроме моря водных бассейнов, мало растительности, он сразу поднимается от берега под большим углом к морю, там нет условий для застаивания почвенной воды. Он сухой и по количеству выпадающих в нем атмосферных осадков, и в этом отношении, судя по данным метеорологической станции Феодосии, с которой близок Карадаг, он в полтора раза суще Ялты (в Ялте 500, в Феодосии — 330 миллиметров в год), — и больше, нежели вдвое, суще Ниццы, в которой 750 миллим. Поэтому можно думать, что Карадаг окажется полезным для всех больных, которым нужны солнце и сухое тепло, прежде всего для нефритиков, а потом и для многих форм туберкулеза, костного и легочного, для старииков, для так называемых золотушных и рахитических детей, для выздоравливающих и для переутомленных.

Он — прекрасный и летний курорт именно в том же смысле, как я писал и о Коктебели*. Между прочим, я нигде в Крыму, кроме Аязмы, около Балаклавы, и нового дачного поселка Баты-Лимана (между мысом Аия и Ласпи) не находил таких условий для солнечных ванн, как именно под Карадагом, на морском пляже, где темные обрывистые утесы близко подошли к морю, и благодаря значительной извилистости морского берега всегда можно найти затишье без ветра, где можно лежать целыми часами без одежды на горячих камнях и где никто не будет шокирован отсутствием костюма, потому что некому шокироваться. Пустынность исчезнет, конечно, в Карадаге, как в Баты-Лимане и Аязме, но останутся напряженность солнечных лучей, и темные, голые утесы, и горячие камни.

Хорошо и для так называемых воздушных ванн, которые мне приходилось видеть в Швейцарии, которые еще, кажется, мало практикуются в России. Но главное значение Карадага в будущем — зимний курорт, так как, повторяю, он единственный в этой полосе Крыма, удовлетворяющий условиям зимнего курорта.

Карадаг в некоторых других отношениях — единственное место не только для прилегающей восточной полосы, но и для всего Крыма. Если не считать Георгиевского монастыря, бывшего вулкана, теперь разрушенного и поглощенного морем, и Аю-Дага³¹, тоже вулканического происхождения, но никогда не действовавшего, Карадаг — единственный в Крыму действовавший вулкан. И остался пепел от давнего действовав-

* См.: "Русские Ведомости", № 169-й

шего вулкана, и теперь открыт он и будет разрабатываться. Давние залежи этого пепла называются "пущолана": она — незаменимый цемент для каменных сооружений портовых и иных, омываемых морем, давно употреблявшийся древними римлянами и на протяжении веков оказавшийся крепче, чем даже сами камни, которые он связывал (порт Анцио, недалеко от Рима).

До сего времени Россия получала пущолану для портовых сооружений из Италии, где имеются три-четыре местности с залежами пущоланы, и, насколько мне известно, пока Карадаг — единственное место в России, где открыты залежи пущоланы. Уже образовалась компания, арендовавшая за большие деньги часть Карадагской земли, принадлежавшей коктебельским болгарам; за истекшую зиму там работало до ста человек в день, и уже истрачены десятки тысяч рублей на дорогу и на разработку. На месте идут большие споры, настоящая ли пущолана, которую разрабатывает компания; есть мнение, что именно там, где роется компания, и нет пущоланы, а то, что есть, — не настоящая пущолана, с малым процентом содержания; но в других местах Карадага открыта несомненная, настоящая пущолана и - я слышал - оказавшаяся по анализам даже выше итальянской пущоланы.

Там есть сказка, тоже в своем роде единственная, как карадагская пущолана, и даже, быть может, более удивительная, — для России удивительная.

Как я уже упоминал, в Карадаге есть санатория Терентия Ивановича Вяземского для нервных, выздоравливающих и усталых людей; она прекрасно расположена, смотрит на юго-запад, с

чудесными видами на море и на Карадаг, но не имеет в себе ничего сказочного. А в нижнем этаже санатория есть библиотека. Она занимает тесными, вплотную наколоченными книжными полками часть нижнего этажа, а главная масса книг лежит в сарайах и подвалах, заколоченная в ящики, невидящая света. Там систематический подбор книг по естествознанию, большой этнографический и географический отдел, значительный отдел археологический и в особенности по археологии Крыма; там есть издания, которые разыскивались Т.И.Вяземским у букинистов по всей Европе; есть издания, стоящие 20 тыс. франков, — одно издание. Есть полное собрание мемуаров Лондонской академии наук с 1666 г., со дня ее основания, т.е. больше чем за 300 лет; такое же собрание трудов Французской академии наук, тоже с XVII века, также сотни томов; там есть издания, которые имеются только во флорентийской публичной библиотеке, и вот тут, в нижнем этаже затерявшейся в Карадаге и никому не известной санатории. Не одно естествознание... Там собраны классики западноевропейские и русские, имеются журналы за много лет; есть "Телескоп" и "Москвитянин" со дня их основания, и "Вестник Европы", и "Отечественные записки"...

У меня нет в руках каталога библиотеки, и я не уверен, существует ли подобный каталог, но богатство библиотеки можно оценить, когда случайным людям приходится обращаться к владельцу ее за теми или иными справками. Когда я заинтересовался Египтом, я нашел там редчайшие издания, которые, я не знаю, могли бы найти в московских и петербургских библиотеках. Там

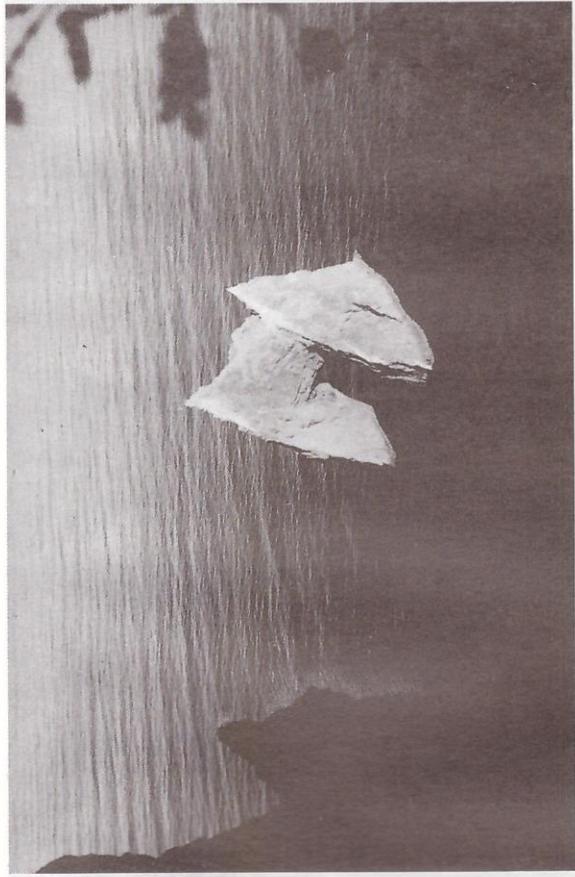

Вид на Карадаг со стороны Коктебеля.

На переднем плане цеха и причал

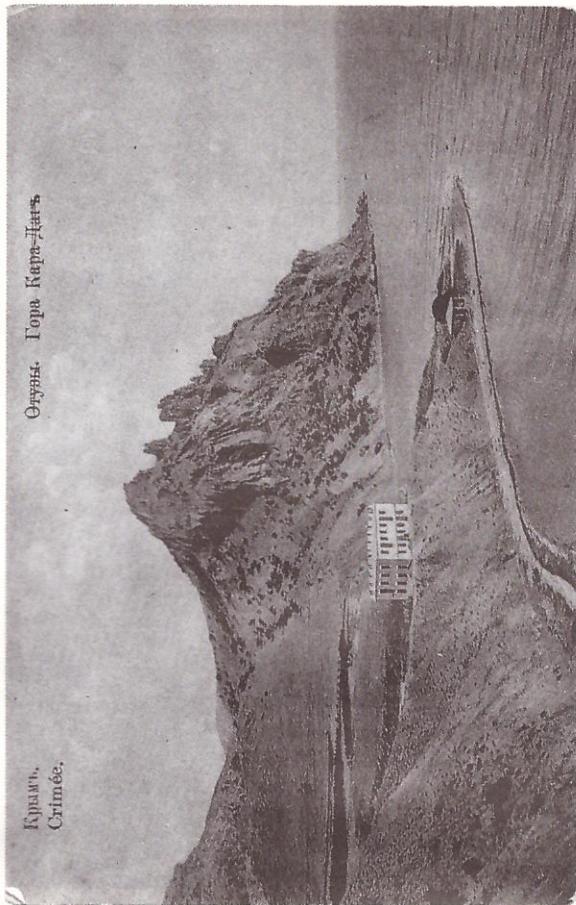
пушцоланового карьера Святой горы.

Фото середины 1930-х годов

Золотые ворота Карадага.

Фото Александра Дидуленко. 1996 г.

Биостанция и библиотека Т.И.Вяземского.
Фotoоткрытка, 1910-е годы.

Зубчатые гребни Карадага.
Foto Михаила Горшкова. 1992 г.

оказались отчеты знаменитой научной экспедиции, отправившейся вместе с Наполеоном I в Египет и положившей начало ознакомлению Европы с Египтом: очень редкие атласы, где воспроизведены рисунки памятников Египта еще до всего того разрушения, которое причинили этим памятникам всякие войны, начиная с наполеоновских.

Сколько стоит эта библиотека — сто тысяч, двести тысяч, быть может, больше, — я не знаю; но я никогда не слыхал о частной библиотеке в России, подобной этой библиотеке, которая собиралась с такой великой любовью и с такими великими жертвами. Человек собирал всю жизнь свою сокровищницу и, должно быть, долго мечтал, как мечтают русские люди, — мечтал о том, чем будет его библиотека, что даст она...

И — что не часто случается с русскими людьми — мечта готова осуществиться. Внизу, под санаторией, на берегу моря уже выросло четырехэтажное здание, будущая биологическая станция. Нижний этаж будет занят большим аквариумом, а в верхних этажах — столы, за которыми будут работать молодые ученые. И чтоб ничего не забыли молодых ученых и не мешало им заниматься научными работами, рядом выстроено двухэтажное здание, где они будут иметь бесплатное помещение, — для какого количества я не знаю. Сюда же переселится как дар станции и огромная библиотека из своего тесного, неуютного теперешнего помещения.

Их двое, которые задумали и на свои средства построили здания, — проф. Московского университета Лев Захарович Мороховец³² и Терентий Иванович Вяземский. У них большая

мечта. Кроме биологической станции, которую предполагается связать с Московским университетом, устроители думают войти в тесную связь с феодосийским и таврическим губернским земством и обслуживать в пределах своей компетенции местные земельные нужды, сделать Карадаг умственным центром, организовать при будущей биологической станции систематические летние курсы для сельских и городских учителей и учительниц и проч., и проч. Земство, несомненно, пойдет навстречу планам устроителей и, конечно, постарается использовать станцию для своих нужд; губернское земское собрание уже ассигновало сумму на устройство метеорологической станции при будущей биологической... И странно, как фантастическая сказка, выглядит чудесное белое здание на берегу моря на фоне темных гор пустынного, почти незаселенного Карадага, и странно слушать в теперешнее пустынное время эти мечты о будущем царстве науки в Карадаге, в этом научном монастыре, как называет его Т.И.Вяземский.

Сбудется ли эта мечта, станет ли действительностью удивительная сказка? Затрачены уже большие средства, но их мало для полного обрудования такого грандиозного учреждения; не вполне выяснилась и общая постановка дела в смысле установления связей с научными центрами и, по-видимому, дело зависит от того, приведут ли еще другие люди на помощь к осуществлению мечты, отзовутся ли люди и деньгами, и сердцем, и умственными силами на то, чтобы сказка стала действительностью. Зависит, конечно, и от многоного другого, что разумеется под общим выражением: условия русской действительности...

Нынешним летом здания подведены под крышу, настланы полы, идут столярные работы. Есть слухи, что некоторые частные владельцы карарагских земель собираются разрабатывать пущу-долину, находящуюся на их участках ... Карадагский сон кончается, и новая жизнь просыпается на Карадаге. Быть может, именно Карадагу предстоит сыграть крупную роль в заселении и в жизни прилегающих местностей, — прежде всего, конечно, Отуз и Коктебеля, — и внести новую культуру в старые, забытые места.

Тогда Карадаг будет и зимним курортом, может быть, одним из наиболее интересных и оригинальных крымских курортов. Будут и дороги, и телефоны, будут и новые санатории и детские колонии, будет все, если осуществится хоть часть карадагских планов.

Судак

Спустились под вечер в роскошную Судацкую долину...

Грибоедов.

тобы понять Судак, получить от него цельное впечатление, нужно приехать в него не тем путем, каким обычно приезжают северные люди в Судакскую долину. Не на пароходе с моря, не лошадьми или автомобилем из Феодосии, а именно так, как ехал Грибоедов, — из Симферополя через Карасубазар, а потом спуститься “в бесплодную ложбину”, через Эльбузы “в горные дикие места, где дорога пересечена разными извилиами”, где “густые леса, кручи, скалы, хаос ужасный”...

Еще лучше пройти от Эльбузы пешком. Именно тогда, освободившись от извивов, от горных диких мест, от хаоса кручин, получаешь настоящее и полное впечатление от Судакской долины, — освобождение от гор и кручин, чувство простора и света, широты, ровности и гладкости зеленой равнины, — от “роскоши” ее, как определил Грибоедов.

Она — светлая, уемистая, в 5-6 верст длины, кое-где расширяющаяся на 4 версты. И вся — зеленая, вся в винограде. Как виноградная река, идущая от Таракташа и начинающаяся гораздо выше Таракташа в том ущелье, по которому спускаешься от Эльбузы, принимающая в себя широкие зеленые притоки справа и слева. И по сие время, как во времена Грибоедова, “она считается первой на полуострове по избытку виноградников” и дает около 600.000 (шестисот тысяч) ведер вина*. А по виноградной реке рассыпаны домики, в большинстве случаев одноэтажные, длинные, с потемневшей от старости крупной татарской черепицей, — редкие домики, разделенные виноградными полями, окруженные пирамидальными тополями, ореховыми деревьями, каштанами.

Вются между редкими домиками узенькие дорожки, где трудно разъехаться двум встречным экипажам, — аллеи-дорожки, обсаженные теми же тополями, абрикосами и миндальными деревьями, яблонями и грушами, с плетнями, густо увитыми клематисом и ежевикой.

И только оттуда, с дороги, из ущелья можно понять общий план долины; в центре ее всякое представление о долине исчезает. Можно ходить целые дни по узеньким дорожкам-аллеям, по извивающимся канавкам, являющимся для Судака единственными границами отдельных виноградников, и забыть, что вы — в долине.

Мелькают невысокие холмы неправильной формы, и кругом вас — только безбрежное море ровных, словно подстриженных виноградных кустов, да тополя и орехи, большие каштаны и мин-

* Т.е. приблизительно треть всего количества вина, которое производят весь Крым (около 1,5 милл. ведер).

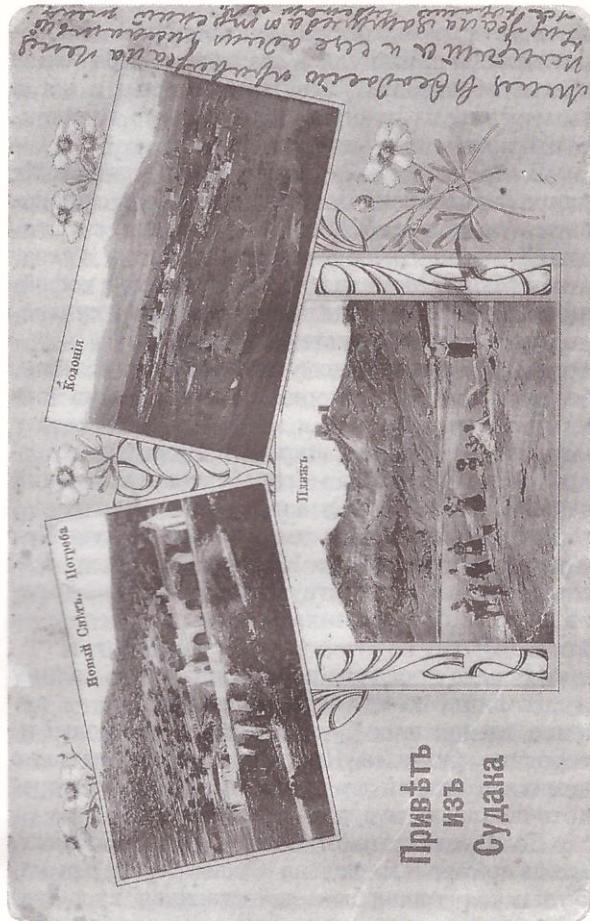
дальние деревья, толстые, как наши ивы. И поперец долины протянулись два ряда холмов в виде подков, обращенных вогнутостью к морю, и, когда вы смотрите из виноградников на север, вы видите эти холмы и не видите долины.

В середине же Судака — улица, настоящая улица бедненького захудалого городка, с церковью, с почтово-телеграфной конторою, с гостиницей, не закрывающейся круглый год, с уездными Мюр и Мерилизами³³ и, конечно, с кофейнями и лавочками, где продаются буза и судакское вино местных землевладельцев.

А потом по пыльному шоссе, между голыми, без растительности, темными, изрезанными холмами вы подъезжаете к морю, и, как всегда у моря, вам становится широко и просторно, светло и радостно. Слева — гора Алчак и встающий за ней массив Меганома и справа — Кыз-Куле, гора Генуэзской крепости, и за ней — Куш-Кая и уходящая на запад к Новому Свету цепь высоких гор, свидетельствуют, что Судак — долина и что долина кончилась.

И когда проедешь вдоль Судакскую долину и походишь по ее узеньким дорожкам, — видишь, где прошлое Судака и где его настоящее и, вероятно, будущее. Прошлое, это — беленькие домики со старой черепицей, где когда-то сосредоточивалась вся судакская жизнь.

Если не считать отдельных, изолированных, всегда огромных имений на Южном берегу Крыма, Судакская долина была единственная, куда давно, больше ста лет, проникла русская культура — дворянская, помещичья, старая крепостная культура.

Открытка с фотографиями А.Бендицкого.
Изд. И.А.Триандафилло. 1910-е годы.

Фotoоткрытка начала XX века.
Изд. И.Вассерман, Феодосия

Земли Судакской долины были частью пожалованы, частью раскуплены тотчас после захвата Крыма, и, очевидно, и купившие, и люди, которые “были высочайшей пожалованы улыбкой”, очень скоро использовали свои места. Приезжавший в Судак в 1825 году Грибоедов говорит о “веселых домиках помещиков”, а ночевал у своего знакомого, барона Боде. Очевидно, что к тому времени уже сложилась дворянская, помещичья жизнь в Судаке и стало уже привычно петербургским дворянам заезжать в гости к своим судакским знакомым. Первым помещиком был, конечно, Потемкин, всеобщий крымский помещик, особенно возлюбивший Судак; были и отчасти существуют Ривелиотти, Паскевичи, Капнисты³⁴, принц Нассауский и другие.

Там нет, — и, очевидно, не было, так как я видел очень старые помещичьи домики, — дворянских усадеб с колоннами и бельведерами, там, повидимому, сразу стали приспособляться к Крыму, к крымскому солнцу и учитьывать крымские строительные материалы (камень-дикарь, колыб, кирпичи из сырца). Беленые домики в 6-8 комнат, с широкой и длинной верандой, уютные и просторные, но простеночные и скромные. И удивляешься только одному, — огромному количеству служб, совсем низеньких, крытых черепицей домиков, широко окруживших помещичьи дома, — удивляешься, зачем нужны были эти бесконечные службы для семейства, помещавшегося в 6-8 комнатах.

И из этого одного понимаешь, как жили в Судаке в доброе старое время, и начинаешь верить рассказам старожилов. Тогда господа ехали из Москвы и Петербурга до Судака недели

две, в дормезах³⁵ и бумвояжах, с гувернерами и гувернантками, с приглашенными на целое лето гостями, а перед и за дормезами и тарантасами ехали телеги и рыдваны с крепостными девками, с поварами и поваренками и кухонными мужиками, с музыкантами и песенниками (тогда говорили “капелла”). А потом через Карасубазар и Эльбузы грузно вваливались в Судакскую долину и устраивались там по-российски, — широко и просторно, как привыкли они устраиваться у себя в “подмосковных”, в своих стародавних помещичьих усадьбах. Нужны были флигеля для гостей и воспитателей, и кухни, и конюшни, и прачечная, и скотные дворы, помещения для музыкантов и “капеллы” и для многочисленной дворовой челяди.

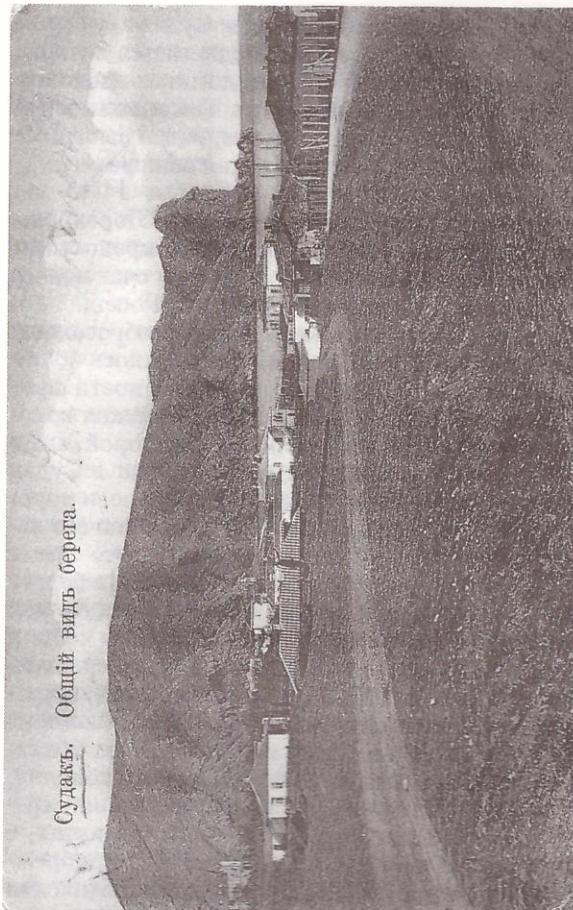
То широкое, просторное и шумное помещичье житье в Судаке давно кончилось, как кончилось оно и в старых дворянских усадьбах коренной России. Опустели старые домики, разрушаются давно нежилые службы, новые владельцы вошли в старые виноградники. Осталось несколько старых фамилий, но земли разделились и распродаются участками пришлым людям.

Кое-что осталось от старых времен, — кое-где старинная мебель, старинные часы и зеркала, старые декоративные деревья, фамильные склепы. Я нашел старую библиотеку. Хранится бюст Александра I с лавровым венком на голове в садике того дома, где он останавливался во время посещения Судака*.

* Теперь принадлежит г-же Пружанской; недалеко и домик, принадлежавший бар. Боде, но надо думать, что Грибоедов останавливался в том же доме г-жи Пружанской, где одно время жил бар. Боде.

Судак. Немецкая колония.
Фото начала XX века

Открытка начала XX века.
Изд. А.Бурштейна по фотографии А.Бендицкого

То — прошлое, а настоящее Судака - у берега моря. И видишь, как Судак сдвигается к морю, как замирает жизнь в старых домиках и как возрождается тут, на берегу моря. Там новая жизнь, новые здания — все новенькое, вчера выстроенное, только что обжитое, сегодня обживаемое.

В первый раз я был в Судаке 14-15 лет назад. Тогда была старая, почтенная Лоренцовская гостиница, существовавшая с крепостных времен, можно сказать, колыбель и очаг нового Судака, было здание у пристани Российского Общества, кордон, несколько дач, разбросанных на берегу, но в моей памяти сохранилось общее впечатление пустынности и безлюдности прибрежного Судака. Была и тогда немецкая колония сзади Генуэзской крепости, в которой, главным образом, и ютились приезжавшие в Судак на лето люди. Теперь весь берег застроен хорошими дачами, и не только берег, но и значительная часть второй и третьей линии, — те самые голые бугры, о которых я упоминал. На берегу уже четыре гостиницы, и кроме Лоренцовской имеется Гюль-Тепе, которая сделала бы честь и Ялте, и Алупке, — с прекрасно обставленными, чистыми комнатами, с большой столовой, широкими верандами. Много меблированных комнат, выстроенных специально в расчете на приезжих; увеличилась и расширилась и немецкая колония. И все приезжее ютится непременно тут, на берегу, в гостиницах и меблированных комнатах, в немецкой колонии, и в нынешнем году прибрежный Судак мог уже вместить около 3,5 тысячи перебывавших за лето гостей.

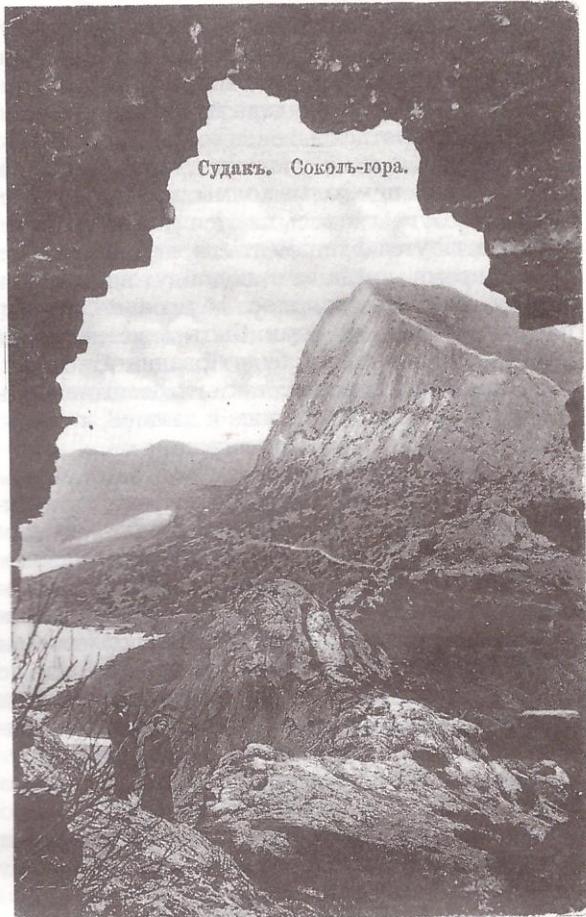
Там же и будущее Судака, — у моря, у скал, на прилегающих холмах, потому что к морю, воз-

можно ближе к морю направляется все растущий поток на юг северных людей. И нет никакого сомнения, что наблюдавшийся за последние годы быстрый рост Судака будет все увеличиваться и ускоряться.

Уже разбиты на участки принадлежавшие немецкой колонии голые холмы, кое-где уже срезываются бугры и засыпаются ложбины и овражки, кладутся фундаменты, и, несомненно, недалеко время, когда дачи подойдут вплотную к центру, и береговая полоса дач сольется с месечком — селеньем Судак. Быть может, не очень далеко и время, когда будут раздвигаться старые, столетние виноградники и приезжие люди будут проникать все дальше и дальше, в самую глубь долины, в сердце виноградников.

С нынешнего года установилось автомобильное сообщение с Феодосией, что ускорит и упростит доступ в Судак северным людям, едущим через Феодосию; проектирован и уже близок к осуществлению порт-убежище в Судак для военных и каботажных судов, — и тогда все пароходы, теперь останавливающиеся за полверсты и за целую версту в море и сообщающиеся с берегом только баркасами, будут приставать к пристани, и прекратится мука, которую испытывают сейчас приезжающие и отезжающие судакские люди. Есть основание ждать большого будущего для Судака. За это говорят не только обширность и емкость Судакской долины, но и ее индивидуальные черты, ее красота, наконец, географическое положение.

Есть великая красота в степях и лесах, в полях и лугах, — красота протяженная, красота шири и дали, — долгих песен, протяжных зву-

Фотооткрытка начала XX века.
Изд. И.А.Триандафилло.

ков, широких сплошных полотен, белых, зеленых и желтых, и нежно-голубеньких, и скорбно-тусклых осенних. Крым весь в высоких горах, в ребристых скалах, в узких и глубоких долинах. Крымская красота другая — скульптурная, архитектурная, — красота выси и глуби. Крым — узорчатый, расписной, как старые турецкие шали, как персидский ковер.

Там нет двух кусочков земли, двух гор, двух долин, похожих друг на друга, как похожи степные дали, лесные чащи.

Каждая долина имеет свою архитектуру, скульптурная на свой лад. У каждой долины свои ветры, своя солнечность, свое море, своя влажность и сухость, свои краски, свои запахи, свои звуки. По-разному встают солнце и месяц и по-разному ложатся спать, разно шумит море, когда разбегается по широкому пляжу и когда грудь с грудью бьется о каменный утес... Свой климат, своя почва, своя растительность. Только 25 верст (а по прямому направлению еще меньше) разделяют Отузы и Судак, — в Отузах нет кипарисов и издревле культивируется виноград “щабаш”, — столовый виноград, для отправки на север в бочонках и корзинках, в Судаке тоже издревле — “кокур”, — винный сорт винограда, и ничтожную роль играют столовые сорта, — и распутут кипарисы в Судаке.

Настоящая крымская красота в той 80-верстной приморской полосе, от Алушты до мыса Айя, которая называется Южным берегом Крыма в тесном смысле слова, где горы выше и долины глубже, где больше камни и причудливее камни и утесы, где скульптурнее и ярче выражена красота выси и глуби. И настоящий люби-

тель Крыма всегда будет предпочитать именно этот каменистый и утесистый Южный берег Крыма, потому что настоящий ценитель Крыма — только тот, кто полюбит камень, кто будет любоваться утесом, как любуются кипарисом и тополем, кто найдет красоту в разнообразных крымских камнях, как находят красоту в зеленой травке, в красных и палевых, и темно-бархатных розах...

Это не сразу приходит к северным людям. Бывает, что и кипарисы, и тополи кажутся им сначала “вениками” и “метелками”, а камень долго остается для них не только чужд, но и враждебен. Их, северных людей, давят горы, им тесно и узко в горах, в долинах, сжатых высокими хребтами, — им жестоко от камня. Им, привыкшим к красоте дали и шири, мало одной морской дали, в особенности летом, когда северный глаз привычно ищет зелени лугов и широких полос полей... Его немножко много, этого камня, там, на Южном берегу Крыма, немножко мало зеленои шири и дали, и немножко жарко летом от накаляющихся ребристых утесов, голых скал...

Судак более приемлем для северных людей, приезжающих в Крым в первый раз, для тех, кто еще не успел полюбить камень. Там просторно, не давят горы, не утесняют камень, там есть зеленые шири и даль. Судак менее различен от России, он ближе, понятнее и приятнее. Есть в нем и другие преимущества. Там редкостный широкий пляж с бархатным песком, тянувшийся почти на две версты; Судак лучше защищен от злых восточных ветров, чем Отузы и Коктебель, так как его защищает не только Карадаг, но и массивы Ички-дага и Меганома. Он не зимний курорт, но упомянутые два поперечных ряда холмов, не

будучи защитой от северных ветров в той мере, как горы Южного берега, тем не менее, — как волнорез в море режет волны, — несколько ослабляют ярость порывов северных ветров и делают судакскую зиму более теплой и приятной, чем зима в Феодосии, Отузах и Коктебеле.

Помимо освобождения от камней, немалую роль в приятности судакского лета играет и некоторое освобождения от людей, которых тоже, как и камней, немножко много на Южном берегу и которые в Ялте, в Гурзуфе, в Алупке и Симеизе, — если не ходят в горы, — по необходимости целые дни толкнутся в узком пространстве, отведенном им камнями. В Судаке пока еще просторно, и даже люди, которым недоступны горы, могут целые дни бродить по долине, по узеньким дорожкам-аллеям, что вьются между виноградниками. Там нет той приятной идиллической простоты нравов, как в Коктебеле, где кавалеры и дамы по утрам накидывают на себя только простыни или проблематические бумажные халатики и, ничтоже сумняшееся, шествуют купаться в море. В Судаке строже, в нынешнем году даже очень строго, — на пляже вырос суровый столб с двумя дощечками, где обозначено: “Мужчинам”, “Женщинам”. Но столб — более мысленная линия, чем реальное разделение овец и козлиц, так как обе группы на таком малом расстоянии, что могут созерцать друг друга, совершенно не вооружая свои глаза, а проходящие по пляжу путники и путницы должны усиленно рассматривать далекие горы, чтобы не видеть совсем близкие, распластанные на песке, на простынях и ковриках, лишенные всяких покровов, мужские и женские тела.

В Судаке сохранилось еще много приятной простоты.

Костюмы уже начинаются, но в шляпках еще мало ходят, и остались простота знакомств и полная осведомленность друг о друге, и быстро завязывающиеся связи с местными, коренными судакскими людьми, которые так рады приезду гостей с севера и так охотно идут на знакомство с приезжими людьми.

Приятны и люди — приезжие и местные. Дамам, которые привозят в Ялту ассортимент сторублевых шляп, и ялтинским дэнди, которые ежедневно меняют костюмы и поражают официантов "чаевыми" и осведомленностью в тонких блюдах и винах, пока нечего делать в Судаке, и "бархатная" публика еще не заглядывает в него. Там почти сплошь интеллигентная публика: профессора, музыканты, художники, учителя и учительницы, врачи, адвокаты, литераторы и чиновники либерального или полулиберального образа мыслей. Публика повыше, — вернее, с более толстым кошельком, — останавливается в Гюль-Тепе, в Лоренцовской гостинице или в прибрежных новых дачах, публика более тощая — в немецкой колонии, но по существу, по тону — одна и та же публика.

Удивительно пестрый узор составляют местные, коренные жители Судака. Там есть и давно обжившиеся русские, и немцы, караимы, татары, греки, армяне, евреи, французы, — потомки когда-то вызванных в Крым для насаждения виноделия французов; встречаются и английские фамилии. И, может быть, именно потому, что слишком много национальностей, там, как и в Феодосии (где еще большая смесь племен, вер и

наречий), не чувствуется этого противного русской душе и русскому национальному характеру злобного национализма, который так усиленно культивируется в России и на Южном берегу. Не слышно наглых окриков: "Бей! Гони!"... Нет нетерпимости, не оглашается воздух подлыми погаными ненавистническими словами.

И от всего этого — от местных и пришлых людей, от тишины и спокойствия, от ласкового моря, от бархатного песка и зеленых виноградных полей, от простора шири и дали — слагается то настроение приятности и мягкости Судака, которое манит к нему северных людей, делает верных друзей из раз побывавших гостей и даже сманивает на лето постоянных жителей Ялты.

Много воспоминаний в Старом Судаке.

И во всем Крыму, — можно сказать, весь Крым полон воспоминаниями. И воспоминания тоже ложатся на Крым фантастическими красками, прихотливыми узорами. Каждая долина, пещера, гора, одинокая скала — все — воспоминание, вокруг всего связались легенды, предания, старые сны, которые изредка вспоминают современные люди. Три тени вьются около скалы Кызы-Куле (Девичья крепость), на которой расположена Генуэзская крепость, — гречанка, дочь Сугдейского архонта, бросившаяся со скалы в море, так как не вернулся из Греции ее возлюбленный, которого она ждала с прибывшим судном; русская девушка, плenная рабыня, привезенная на солдайский рынок и бросившаяся со скалы от тоски по воле и родине; татарка, изменившая своему повелителю, которую сбросили со скалы за эту измену. Целые наслоения воспоминаний, как пластины древних горных пород... Как-то разра-

батывали гору недалеко от Гурзуфа и открыли могилу. Нашли там утварь и золотые украшения. Потом копали глубже и разрыли другую могилу с другой утварью и с другими похоронными манерами; говорят, была и третья могила, очень глубоко залегавшая, которую не стали раскапывать.

Идет человек в горы в диком, необитаемом месте, и старая, одинокая могила глядит из обвалившегося куска горы, а в могиле — древний человек, погребенный не по христианскому и не по мусульманскому обряду, — кто он? Копает прищий человек фундамент для своего дома на пустынном холме, поросшем колючей травой, вдали от человеческого жилья, и открывает черепа и кости, — оказывается, тут было христианское кладбище и когда-то церковь стояла на соседнем, тоже пустынном холме. Долmenы³⁶ встречаются еще на придолинных взгорьях, и каменные бабы кое-где попадаются в крымских долинах...

И все так в Крыму. Проходили через него племя за племенем и ложились одно над другим в крымские могилы. Культура над культурой, легенды над легендами, воспоминания над воспоминаниями... Сны там спят еще дремучие, не спугнутые, не разбуженные...

И крымские люди — как сны неразгаданные, неистолкованные... Кто они — татары не только приморские, но и горные, и степные, так разные по типу? Сколько у них греческой и итальянской, и чингизханской крови, — и нет ли в них киммерийской, готской и скифской крови? И караимы: сколько у них израильской крови и хозарской, и крови всех тех стран и племен, через которые они проходили, пока добрались из израильской земли в крымскую землю? Есть

племя в Карасубазаре “эллекчи” (буквально — делатели решет) — маленькая кучка неведомых людей, неизвестно, откуда явившихся, неизвестно, какого рода-племени. Они делают особые решета и продают их в Малороссии и на Волыни, они карасубазарские извозчики и они же от рождения играют на разных инструментах, и значительная часть так называемых цыганских оркестров, играющих на татарских свадьбах, набирается из карасубазарских эллекчи. Они говорят по-татарски, но у них есть и свои слова, непонятные ни русским, ни татарам, ни армянам, ни евреям, — старые слова эллекчи.

И вот года четыре назад приезжал из Германии ученый профессор, неизвестно откуда про слышавший про эллекчи, — приезжал на несколько дней только за тем, чтобы записать их старые слова, и профессор пришел к заключению, — так представил мне доктор, карасубазарский старожил, — что эллекчи — выходцы из Египта. Все — сны, все — сонные видения.

И нигде, кроме Кафы-Феодосии³⁷ и Херсонеса, нет столько воспоминаний, как в Судаке ... Когда он возник, — в киммерийские времена, в троянские времена, во времена аргонавтов, времена Ифигении в Тавриде? Кто знает точно, когда возникла древняя греческая Сугдя? А потом монгольское ханство, потом генуэзская Солдайя, потом турецкая полоса, потом пришли мы, русские, “всеобщие наследники” — как выражается Грибоедов ...

“В 1250 году, — рассказывает Марко Поло в своей знаменитой книге*, — братья Николай и

* Марко Поло. Русское издание 1873 г.

Маттео Поро, торговавшие драгоценными товарами (и драгоценными камнями), отплыли из Константинополя и благодаря попутному ветру скоро прибыли к одному порту, называемому Солдания, откуда уже сухим путем отправились далее" ... (за Волгу в Татарию).

Очевидно, уже тогда люди привыкли ездить с товарами из Константинополя в Судак, что это был привычный налаженный путь. Было время, когда и Черное море называлось Сурожским морем, когда с севера шли туда меха и медь, и белокурые северные девушки, которые так ценились на черноволосом южном рынке и в той же Генуе, в населении которой сведущие люди открывают славянскую кровь. А из Сурожа шли на север сурожские вина к московскому царскому столу, и материи, и благовония, и драгоценные камни; когда в Суроже жили постоянно русские торговые люди, имевшие в Москве суровские магазины с сурожскими товарами. Тогда насчитывалось в Суроже 7 церквей, два монастыря.

Осталось воспоминание от тех времен — живое и яркое: Генуэзская крепость на скале Кыз-Куле. Там еще видны старые цистерны, жестокая генуэзская тюрьма глубоко в земле, можно еще читать доски в стенах с надписями, удостоверяющими, что такой-то генуэзский досточтимый подеста выстроил эту башню, эту стену; указывают еще башню, где досточтимый подеста сохранял русских девушек до отправки их на южные рынки.

Есть там маленькая церковка, древнее крепости, — истинный символ долгой изменчивой судьбы Судака: была она мечетью, греческой византийской церковью, потом генуэзской, потом опять

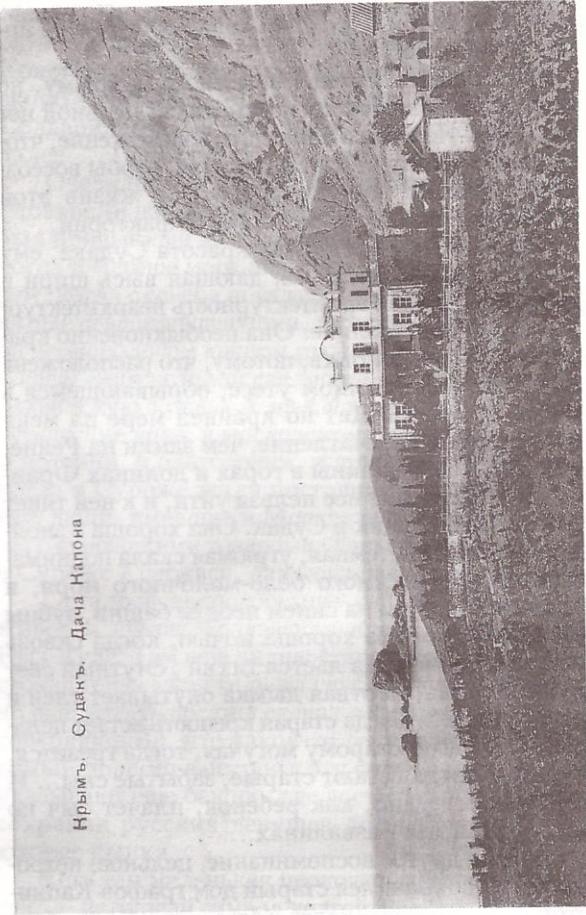
мечетью, потом русскою церковью и теперь армяно-католической.*

Генуэзских укреплений много в Крыму, но так сохранившейся крепости, такой цельной нет ни одной. Не нужно напрягать воображение, чтобы понять ее трехъярусные стены, чтобы воссоздать целиком старую генуэзскую жизнь этой крепости, укрепленной торговой фактории.

Крепость — и главная красота Судака, ему одному принадлежащая, дающая высь шири и дали, придающая архитектурность неархитектурной Судакской долине. Она необыкновенно красива, и, — может быть, потому, что расположена на скале, на огромном утесе, обрывающемся в море, — производит по крайней мере на меня более сильное впечатление, чем замки на Рейне, чем старые развалины в горах и долинах Франции и Италии. От нее нельзя уйти, и к ней тянет всех приезжающих в Судак. Она хороша в знойный день, когда темная, угрюмая скала поднимается из недвижимого бело-молочного моря, и вырисовываются на синем небе ее башни, зубцы стен; но особенно хороша ночью, когда сквозь набегающие облака льется тихий, смутный свет луны и белая, мертвая дымка окутывает тлен и разрушение ... Тогда старая крепость встает цельная, живая, по-старому могучая, тогда грезится, чудится, тогда встают старые, забытые сны... И странно, и чудно, как ребенок, плачет сырь по ночам в старых развалинах...

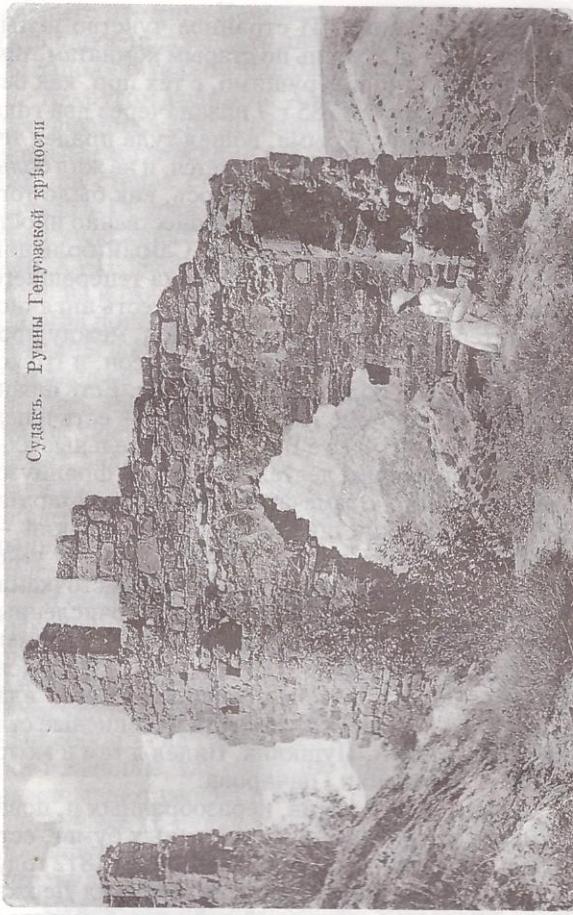
Есть и другое воспоминание, цельное, нетронутое, — сохранился старый дом графов Капнистов с тех времен, когда только что Крым был

* Священник Кушнарев. Судакская долина.

Нръмъ. Судакъ. Дача Напона

Фотооткрытка начала ХХ века.
Изд. И.Вассерман, Феодосия

Судакъ. Руины Генуэзской крѣпости

Фотооткрытка начала ХХ века.
Изд. Аптек. и писчебум. магазина Х.И.Левина

завоеван русскими. И странное чувство испытываешь, когда ходишь по старым комнатам, там все так целостно и нерушимо, с тех пор, как без малого 140 лет (в 1785 г.) назад, через два года после покорения Крыма, вошел туда прадед теперешнего владельца, что, кажется, и не жил больше никто, что так все и осталось, как было тогда. Есть библиотека, — преимущественно иностранные книги того времени. Самый большой шкаф — английский (прабабушка теперешнего владельца была англичанка); там есть английская литература того времени и Поп, между прочим его переводы Илиады, и Джонсон, и Шекспир, изданный полтораста лет назад. Есть французский шкаф тоже того времени, — есть в нем знаменитый *dictionare Bayl'*, удивительные альбомы с портретами деятелей великой французской революции, с замечательным лицом Марата. Есть итальянский шкаф. Самый маленький — русский; там есть первое издание “Горе от ума” 1833 г., с вклеенными рукописными листочками, чьей-то рукой исчерканными, с многочисленными вставками и изменениями вроде “Прямые канцлеры”, очевидно, сделанными с рукописи. К сожалению, я не успел рассмотреть его; владелец говорил мне, что там есть рукописные стихи с подписью А. Пушкина. Видел я там и молодежь — сочинения Гончарова.

Писем целый архив, неразобранных и, повидимому, никем еще не прочитанных бумаг, есть папка с документами, относящимися к 1812 году, есть интереснейшая переписка. Гавриил Державин обращается с усерднейшей просьбой к своему родственнику Петру Васильевичу Капнисту воротить его, Державина, крепостного раба, убе-

жавшего в имение Капниста, и предлагает заплатить вдвое и даже дать две лучшие семьи, лишь бы заполучить себе злокозненного крепостного.

А кругом гравюры XVIII века — английская, французская; английский фарфор с нарисованными английскими пейзажами на чайных чашках; на стенах старые картины конца XVIII и начала XIX века и единственный рисунок молодого художника Айвазовского; мебель тех времен XVII века; в углу стоит высокий резной стул, на котором, по преданию, сидел Александр I, когда приезжал в Судак. А все стены столовой увешаны портретами старых Капнистов, начиная с прадеда и прабабушки-англичанки. А с потолка спускается удивительно изящная, старая бронзовая люстра. В глубине двора — склеп, где лежат деды Капнистов, а кругом бесконечные службы, где жили музыканты и капелла и бесчисленная старая дворня, перед домом — виноградное поле в 23 десятины, которое прадед купил за 40 рублей.

Я смотрю на старинные готические окна, необыкновенно толстые стены, на огромные подвалы-подземелья, странные двери, странные ниши, и владелец имения говорит мне, что это был генуэзский монастырь, что рядом стоял кафедральный собор, а на горе через дорогу большое старое кладбище, где ежегодно при всяких работах выкапывают черепа и кости.

Так все по-судакски, все по-крымски — воспоминание над воспоминанием, племя над племенем, культура над культурой...

Судакские люди спесивые. Они горды своей крепостью, своими старыми воспоминаниями, своей ширью и далью, своим простором, бархатным

пляжем и не хотят признавать смежной красоты, коктебельской, отузской.. И не только постоянные люди Судака, и приезжие так быстро делаются судакскими патриотами.

Судак влажнее Коктебеля и не так интимно уютен, как Отузы, но по существу его нельзя сравнивать ни с Коктебелем, ни с Отузами. Не только потому, что он слишком обширен для такого сравнения, но и потому, что он не только курорт, но и центр местной жизни, к которому тянутся прилегающие поселения, что он отвечает не только на запросы приезжих северных людей, но и нуждам местного населения этой полосы Крыма. Уже то одно, что в нем 1,5 тысячи, т.е. немножко менее какого-нибудь Белебея, постоянного оседлого населения, выделяет его из ряда новых возникающих курортов. И несомненно, значение Судака будет расти в обоих направлениях, — и как курорта, и как местного центра. Между Алуштой и Феодосией на протяжении почти полутораста верст и нет другого центра, другой долины, которая могла бы сдаться таким центром. Устройство порта-убежища в Судаке тоже поднимет его значение и как курорта, и как местного центра. Те грузы, которые в настоящее время вследствие затруднительности погрузки их на суда шли сухопутно на Феодосию и Карасубазар, будут направляться в будущем в Судак, а с другой стороны будет устранено огромное неудобство для приезжающих и уезжающих долгого ожидания на пристанях и переездах на баркасах от пристани до парохода. Можно думать, что Судак будет в малом масштабе играть по отношению к прилегающим долинам и годным для поселениям взгорьям, — для

Коз, Капсели, для Вороновской и Капсихорской долины, — ту же роль, какую играет Ялта по отношению к Алупке и Мисхору, Гурзуфу и Суук-Су. Отсюда будут расселяться по окрестным долинам и сюда будут приезжать люди из окрестных мест за покупками и ... за развлечениями. Если только Судак поймет свою будущую роль...

О Судаке нельзя сказать, благоустроен он или неблагоустроен, — он просто не устроен, без всякого устройства.

Там есть немецкая колония с общественным самоуправлением, с общественной землей, которая теперь разделяется и продается по участкам, но Судак в общем смысле слова есть удивительное селение без сельского и какого бы то ни было самоуправления. Судакские люди по сие время не удосужились образовать какую-нибудь общественную организацию, хотя бы в виде общества курортного благоустройства, которое бы взяло на себя заботу о Судаке. А между тем количество приезжающих все увеличивается, дачи все строятся, и недалеко время, когда люди будут портить и отравлять жизнь друг другу и когда, быть может, будет поздно принимать меры для благоустройства, для прокладки правильных улиц, для удаления нечистот, для устройства площадок, хотя бы маленьких сквериков, тротуаров, аллей общественного садика.

Маленькая Балаклава, находящаяся в некоторых отношениях в худших условиях в сравнении с Судаком, благодаря упрощенному городскому самоуправлению сумела за последние несколько лет значительно благоустроить себя, — провела водопровод, устроила электрическое

освещение, хорошее ванное заведение, приглашает музыку.

И введение Городового положения — настоятельная потребность Судака. Он уже и сейчас слишком велик для селения и местечка, — завтра он будет фактическим городом. Он не будет ни древним Сурожем, ни Ялтой, но его судьба в значительной мере обуславливается свое времененной организацией общественных сил и выработкой планомерных мероприятий, которые бы не только устранили, но прежде всего предупредили вредные последствия хаотической застройки Судака и в особенности его прибрежной полосы, и улучшили и облегчили бы жизнь местного населения и приезжих людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Находится под Севастополем — в районе мыса Фиолент. Время основания Балаклавского Георгиевского монастыря не известно. В XIX веке сами монахи считали, что годом основания обители следует считать 891 год. По мнению же А.Л.Бертье-Делагарда, монастырь возник не ранее начала XV века.
- ² В период Крымской войны 1853-1856 годов Балаклава была превращена в базу английской армии.
- ³ Карасубазар — название г.Белогорска до 1945 г.
- ⁴ Жители селения Аутка вблизи Ялты (ныне находится в черте города). В Аутке в 1899-1904 гг. жил А.П.Чехов.
- ⁵ Коктебель (турк. — Край голубых холмов). Согласно гипотезе А.К.Шапошникова, название селения следует переводить как “кочевые небесно-голубые или западные тёбелов” (тёбел — этноним тюрksких народов, алтайцев, кыпчаков). Во всех справочниках, путеводителях и др. литературе Коктебель — мужск. рода. Пожалуй, единственный исключение — очерки Елпатьевского.
- ⁶ Отузская долина — в окрестностях селения Отузы (ныне — пос.Щебетовка).
- ⁷ Теплый, сильный, сухой южный или юго-восточный ветер в Средиземноморье, приносящий в Юж. Европу большое количество пыли из пустынь Север. Африки и Аравийского п-ва.
- ⁸ Сухой и жаркий, обычно южный ветер на северо-востоке Африки и в Восточном Средиземноморье. Дует весной примерно 50 суток, несет много пыли и песка.
- ⁹ Горный массив, единственный в Крыму потухший вулкан.
- ¹⁰ На вершине Большого Карадага — горе Святой, согласно легенде, находится могила святого Азиза. Конфессиональная принадлежность святого оспаривалась мусульманами и христианами. К могиле вела горная тропа из Кордонной балки. Обряд на горе Святой состоял из вечернего намаза, очевидно на могильной плите святого, утреннего намаза и жертвоприношения.
- ⁵ С. Елпатьевский

- 11 Киммерийцы — один из народов Крыма, населяли полуостров до VIII века, вытеснены из Крыма скифами.
- 12 Мужской монастырь в 5 км вверх по Монастырскому ручью от нынеш. пос.Щебетовка. Название — от скал красного цвета (кизил — красный, таш — камень; тюрк.). Возник в 1857 г., закрыт в октябре 1923 г. Ныне — с.Краснокаменка Феодосийского горсовета.
- 13 Город в 25 км от Феодосии. Впервые упоминается в XIII веке как местность Крым.
- 14 Богаевский Константин Федорович (1872-1943), признанный мастер историч. пейзажа, творчество тесно связано с Вост. Крымом. Родился, жил и трагически погиб в Феодосии.
- 15 Русский курортный дачный поселок, формировался в нач. XX в. на части земель помещика, профессора-офтальмолога Эдуарда Айдреевича Юнге (1833-1898).
- 16 Петров Григорий Спиридонович (1868-1925), священник, лектор, публицист.
- 17 Дейша-Сионицкая Мария Адриановна (1859-1932), оперная певица.
- 18 Общественное помещение на курорте.
- 19 Ички-даг (Эчкидаг); козья гора — тюрк.) — горный массив, у подножия кот. располаг. Отузы (ныне — пос. Щебетовка).
- 20 Пансион "Берег моря" Аделанды Валерьевны Маркс (урожд. Чарыкова, 1857-1921), первой жены Никандра Александровича Маркса (1861-1921), генерал-лейтенанта, историка, палеографа, собирателя легенд Крыма.
- 21 Вяземский Терентий Иванович (1851-1914) — основатель Карадагской биологической станции, владелец имения "Кара-Даг", основатель санатория для больных с расстройствами нервной системы.
- 22 А.С.Грибоедов посетил Отузы в сентябре 1825 года — проездом из Судака в Феодосию.
- 23 Катык, каурма, масака — татарские национальные блюда.
- 24 Карaims — крымский этнос, потомки жителей Казарского Каганата и Половецкого Союза племен, которые смешались с древними народами Крыма в VII-XII вв.
- 25 Крымчаки — немногочисленный народ (этнографическая группа) Крыма, объединенный в прошлом иудейской религией артодоксального толка.
- 26 Сущ. гипотеза, что сохранившиеся на склонах массива Карадаг остатки церквей относятся к IX-X векам —

- временам миссионерской деятельности в Крыму святых Кирилла и Мефодия.
- 27 Скала в виде арки у входа в бухту Пограничная. Более известна, как "Золотые ворота".
- 28 Гяурбах (виноградник неверных, немусульман — тур. и араб.) — ущелье южного хребта Карадага.
- 29 Обвалы скал, крупные камни у берега.
- 30 Имение князя Льва Сергеевича Голицына (1845-1915), поселившегося в Новом Свете в 1878 году и основавшего там завод шампанских вин.
- 31 Аю-Даг (Медведь-гора — тюрк.) — гора на Южном берегу Крыма.
- 32 Мороховец Л.З. (1838-1919 ?), московский профессор, вместе с Т.И.Вяземским в 1906 г. начинал строительство Карадагской биологической станции.
- 33 Универсальные магазинчики.
- 34 Крымские ветви знаменитых дворянских родов. Самый известный из них — судакский помещик, граф Ростислав Ростиславович Капнист (ок.1870-1921), внук русского драматурга и поэта Василия Капниста.
- 35 Дормез (фр. dormeuse, букв. — соня) — большая дорожная карета, в которой можно было спать.
- 36 Дольмен (кельтск. tolmen) — сооружение доисторической эпохи из больших каменных плит в виде стола, ящика.
- 37 Название города менялось. Феодосия, именовавшаяся так ее основателями-мilletцами в VI в. до Р.Х., с XIII в. стала Каффой (генуэзское название).

Примечания Дмитрия Лосева

С.Я.Елпатьевский: известный и неизвестный

Вместо послесловия

Вот и перевернута заключительная страница "Крымских очерков". Читая книгу, вы, вероятно, почувствовали, что ее написал человек не только влюбленный в Крым, но и широко образованный, хорошо знавший его историю, грамотный врач-энтузиаст, изучавший климат тех мест, где он жил много лет, размышляя о перспективах их курортного развития, социальных и национальных проблемах.

Но кто же он — Сергей Яковлевич Елпатьевский — этот мудрый и талантливый человек? Обратимся к справочной литературе.

В "Советском энциклопедическом словаре" (М., 1982) читаем: "С.Я.Елпатьевский (1854-1933), писатель, мемуарист. Первая публикация относится к 1900 году." О нем как о враче, общественном деятеле, на удивление, — ни слова.

Может быть подробнее — в более ранних изданиях? В "Малой Советской энциклопедии" (М., 1936) нахожу: "сын дьячка... писатель, земский врач, за "прикосновенность" к "Народной воле" был сослан на три года в Сибирь, где, проявляя "этнографизм", писал "рассказы из быта ссыльных", в " сентиментальных тонах рисуя жизнь сельского духовенства ". "В его творчестве ярко выявляется тяга мелкобуржуазной интеллигенции к культурной работе среди народа". И резюме: "продолжатель мелкобуржуазной народнической литературы".

Из девятого тома "Большой медицинской энциклопедии" (1959) узнаем, что Сергея Яковлевича, оказывается, дважды арестовывали (1880, 1884), что в Ялте он жил с 1897-го по 1922 год, лечил Льва Толстого, Чехова, а в 1922-1928 годах работал врачом "лечсанупра Кремля".

Но наиболее полно изломы его биографии и творчества изложены в 17-м томе "Нового энциклопедического словаря" Брокгауза и Ефроня, изданного до 1914 года: по "литературному" делу год просидел в Петропавловской крепости. В Ялте "много сделал для организации санаторной и бесплатной помощи неимущим больным", однако "это не помешало генералу Думбадзе выселить его из Ялты".

Первые публикации, оказывается, относятся не к 1900 году, а к 1880-му. К концу века им уже были опубликованы три тома рассказов — преимущественно "из сибирской и тюремной жизни", в которых "развернулся лирический элемент симпатичного его таланта", хотя Сибирь, тюрьма наводили на автора ужас в отличие от других "невольных туристов". Там же указано, что Сергей Яковлевич избирался председателем на "бурном Пироговском съезде врачей (России) в 1905 году". И это все.

Многие годы жизни в Ялте меня волновал вопрос: почему же на доме незаурядного писателя, врача, общественного деятеля, работавшего даже в "Кремлевке", так и не была установлена мемориальная доска. Я решил детально проследить его судьбу. И вот что удалось добавить к уже известным фактам.

Изложу все по порядку, отойдя от сухого переложения событий и дат, опираясь лишь на документы, материалы, еще недавно для нас не-

Ялта. Дом С.Я.Елпатьевского у подножия холма Дарсан (3-этажный, крайний справа в верхнем ряду). Фото 1910-х годов

доступные, на воспоминания о нем или о людях его окружавших.

...Под настроение, один или с приезжающими в Ялту друзьями люблю я подняться мимо одного из последних приютов Леси Українки на дарсановский холм, к дому, выстроенному С.Я. Елпатьевским, а оттуда — обозреть почти все холмы и долины, на которых, таясь, укрылся город, — “великолепный, единственный вид в Ялте”, по словам Сергея Яковлевича.

Затем можно спуститься по старинной извилистой улочке с внушительными подпорными стенами мимо известного мемориального дома художника Ярцева к бывшей женской гимназии (нынешняя школа № 5), членом попечительского совета которой был А.П.Чехов, и куда бегали девочки Цветаевы.

Эта короткая прогулка по малоизвестному маршруту, не проложенному в свое время туристическим бюро, никого не оставляет равнодушным и дает повод вспомнить не только С.Я.Елпатьевского, но и тех, с кем он общался, дружил на протяжении почти 25 лет жизни в Крыму. Один только перечень людей, с которыми жизнь свела Елпатьевского, вызывает удивление: М.Горький, Н.Михайловский, М.Ковалевский, Г.Плеханов, В.Фигнер, Н.Ф.Анненский, Б.Савинков, И.Бунин, В.Вересаев, К.Бальмонт, И.Шмелев, М.Волошин, Е.Юнг-Толстая, К.Станюкович, П.Д.Боборыкин, Ф.Эрисман, С.Сергеев-Ценский, К.Тренев и другие.

В ялтинском доме Сергея Яковлевича бывали (а иногда — и жили) Л.Андреев, С.Найденов, А.Куприн, Н.Гарин-Михайловский, Е.Пешкова с детьми, сестры Цветаевы с больной туберкулезом матерью, знавшей С.Я.Елпатьевского еще по городу Александровску Владимирской губернии, откуда тянутся родовые корни этих двух се-

мейств, друживших еще в предшествующих поколениях.

Очень наблюдательный, талантливый, тонкий мемуарист, по мнению Горького — “обладатель неисчерпаемого сокровища любви к людям”, С.Я. Елпатьевский написал удивительно живые, теплые, “узнаваемые” портреты своих современников — Толстого, Успенского, Мамина-Сибиряка, Короленко, многих других. Три странички его воспоминаний о Чехове по своей образности, глубине, правдивости стоят, пожалуй, томов наблюдений современников.

Елпатьевский особенно выделял интерес Чехова, “его горячую преданность”, активную деятельность в области “общественной медицины”, “земского школьного дела”. Так, “он сердечно подошел к нашей работе по устройству в Ялте безденежной, туберкулезной публики, часто обращался ко мне с просьбой устроить нуждающихся больных”. И далее: “В Ялте он много и многим помогал чем мог”.

Можно говорить не только о близости Елпатьевского и Чехова, но и об их дружбе, о чем свидетельствуют непринужденные шутки об одновременно строящихся домах-усадьбах: “Вологодская губерния” (о доме-усадьбе Елпатьевского) и “дыра” (о чеховской); присутствие Елпатьевского на обеде в чеховском доме по случаю приезда в Ялту МХАТа, и воспоминания Марии Павловны Чеховой — сестры писателя, где упомянуты далеко не все близкие знакомые Чеховых.

Однако, говоря о Чехове и Елпатьевском, необходимо отметить важное обстоятельство, по рой “мешавшее” сделать их “добрые” (по мнению Сергея Яковlevича) отношения “ intimными ”. Речь идет о политике, к которой “Чехов относился равнодушно, пренебрежительно, даже,

можно сказать, немного брезгливо. Он не любил заостренных политических людей, редко бывал в домах, где мог встретить их, услышать интеллигентские споры о политике”. Елпатьевский упоминает два конкретных этому поводу случая, причем второй относится к его сыну, в то время председателю студенческой общественной кассы, участвовавшему в студенческих волнениях, арестованному и просидевшему в тюрьме, а затем высланному из Петербурга на три года. В ответ на исповедь Елпатьевского “Чехов стал говорить, что эти студенты завтра станут прокурорами”, а на возражение Сергея Яковлевича “пренебрежительно махнул рукой, не продолжая разговора”.

Ценные наблюдения за метаморфозой, происходившей в общественном восприятии Антона Павловича в предреволюционные, последние годы его жизни. Елпатьевский вспоминает: “И вот пришло время... бурная русская волна подняла и понесла с собой Чехова. Он, отвертывавшийся от политики, весь ушел в политику”... “Чехов стал верующим в то, что “хорошая жизнь будет” не “через двести лет...”, а в то, что она “придвинулась для России вплотную”. “И весь он другой стал — оживленный, возбужденный; другие жесты появились у него, новая интонация послышалась в голосе”. Вспоминая свое возвращение из Петербурга, Москвы в то время, Елпатьевский пишет, что Чехов в первый же день по приезде нетерпеливо звонил по телефону, требуя, чтобы я... “немедленно, безотлагательно сейчас же приехал к нему”, ибо ему нужна была информация о событиях “не в литературных кругах”, а “в политическом мире... в революционном движении”. Он пересмотрел коренным образом свое отношение к отдельным политическим деятелям (к “мерзавцу Меньшикову”),

журналам (“Новое время”), к событиям, “кипятится: разве вы не видите, что все свинулось сверху вниз. И общество, и рабочие”. Происходил перелом во всем настроении Чехова. И этот перелом Елпатьевский воспринимал с большой радостью, удовлетворением.

Для Елпатьевского же политика была органической, составной частью его существа. Всю жизнь с юности она переполняла его живую природу. Литературное творчество сливалось у него с общественной деятельностью в единое целое.

Так, первую повесть “Озимь” двадцатипятилетний Елпатьевский пишет, сидя в тюрьме, куда он был заключен за сотрудничество с партией “Народная воля”. Тюрьма завершилась ссылкой, куда позже ссылается и его жена с детьми — за связь с В. Фигнер, “Народной волей”. В 1884 году он вновь ссылается, на этот раз в Сибирь. С публикацией статьи “Земля и свобода” (1906) связано заключение на год в Петропавловскую крепость.

Активная жизненная позиция Сергея Яковлевича (как бы мы сегодня сказали) проявлялась в страстной защите Дрейфуса, а желание получать оперативную информацию из первых рук, стремление к общению заставляли его работать в качестве врача, обслуживающего членов I Государственной думы. Однако, все это не мешало, а, наоборот, способствовало его литературной деятельности.

Еще до революции 1917 года он стал широкоизвестным писателем, издавшим три тома рассказов, шесть книг.

Его произведения печатали толстые журналы: “Вестник Европы”, “Русская мысль”, “Северный вестник”, “Русское богатство” и другие. Ряд журналов редактировался писателем.

Политические мотивы легко прослеживаются

и в его сочинениях, посвященных заключенным в тюрьмы, ссыльным, каторжанам.

Было бы неверным считать Сергея Яковлевича только бытописателем с политическим уклоном. Об этом наглядно свидетельствуют его необыкновенно лирические “Крымские очерки”, хотя и писались они в условиях изгнания. Неподдельная любовь к людям, стремление к общению с ними, тонкое знание их психологии характеризуют Елпатьевского-писателя. Эти качества особенно проявились, когда он лаконично, обrazno писал портреты близких ему людей.

Эти же качества в сочетании с чуткостью, состраданием, милосердием были неотъемлемыми особенностями Елпатьевского — необыкновенно талантливого, знающего врача, пользовавшегося бесспорным уважением и доверием у своих пациентов, что выделялось порой в неформально теплые, дружеские отношения. Показательны в этом смысле отношения, сложившиеся между Сергеем Яковлевичем и его пациентами — Толстым, Михайловским, Чеховым, Горьким, Лениным...

Ведь не все из ялтинских врачей, пользовавших Льва Толстого, приглашались им в Ясную Поляну, не со всеми он переписывался, не с каждым из них уединялся на палубе парохода и доверял интимные стороны жизни.

В последние годы жизни Ленина его лечил, работая в санитарном управлении Кремля, личный врач, бывавший почти ежедневно, “кремлевский лекарь” С.Я. Елпатьевский. И в этом случае авторитету Елпатьевского-врача не помешали расхождения в политических взглядах со своим пациентом, что лишний раз подчеркивает гуманную, милосердную позицию доктора.

Обо всем этом мы узнаем сегодня из ранее недоступных воспоминаний Ю.П. Анненкова —

сына П.С.Анненкова, близкого друга Сергея Яковлевича еще со студенческих лет и по ссылке, члена партии "Народная воля", отсидевшего почти два года в Петропавловской крепости, затем приговоренного к каторжным работам и к ссылке на Камчатку по делу покушения в марте 1881 года на Александра II. Его сын — Юрий Павлович — стал впоследствии известным художником, мемуаристом. Он еще ребенком наблюдал Ленина в доме своего отца, а позже рисовал с него всем известные портреты, неоднократно встречался с ним, как и с Сергеем Яковлевичем и со многими крупными политическими, культурными деятелями в России, СССР и в эмиграции.

Воспоминания Ю.П.Анненкова "Дневник моих встреч" были впервые опубликованы в Нью-Йорке в 1966 году.

Помимо многих интересных сведений Ю.Анненков приводит исчерпывающие цитаты из работ Ленина, в которых упоминается С.Я.Елпатьевский с положительными и негативными, "не очень дружелюбными" оценками его взглядов. Это и статья 1914 г. "Радикальный буржуа о русских рабочих" (т. 20 собр. соч. Ленина), где Елпатьевский обруган "радикальным буржуа или буржуазным демократом"..., и далее цитата из Ленина о нем же: "Этот писатель — один из вернейших единомышленников и соратников Н. Михайловского... внимательный наблюдатель русской обывательской жизни, настроениям которой он чутко поддается". Здесь же высказывалось и сожаление в адрес Елпатьевского, ставшего противником "подпольной борьбы", сторонником "борьбы за открытую партию", а далее следует нелепое утверждение о том, что "не широк кругозор нашего народника, мелок его анализ". Эти ярлыки, по мнению Ю.П.Анненкова,

"сыграли решающую роль для всех тех, кому в СССР пришлось и приходится писать о Елпатьевском". И в этой связи высказывается предположение, что, вероятно, из-за этой же фразы нигде не упоминается о том, что С.Елпатьевский был в Кремле личным врачом Ленина — "что было мне известно с полной точностью".

Что же касается Ленина, то он писал о Елпатьевском и гораздо более лестные строки. И далее автор приводит обширную цитату из статьи Сергея Яковлевича, в которой он пишет "об организованных рабочих", которым приходится идти как крестьянам "ощупью". И вот резюме Ленина по поводу этой мысли: "Это пишет человек, который никогда не принадлежал к марксистам и всегда стоял в стороне от организованных рабочих. И эта оценка тем ценнее для сознательных рабочих. Г-ну Елпатьевскому следовало бы подумать над значением того, что ему пришлося признать. Вопрос, поднятый им, далеко выходит за пределы личного разумения".

Помимо обоснованного предположения о ролевой роли оценок, данных ему Лениным, есть и другие обстоятельства, способствовавшие забвению имени Елпатьевского. Не зная всех перипетий жизни Сергея Яковлевича, мне казалось нелепым отсутствие на доме активного общественного деятеля, известного писателя, незаурядного врача (кстати, председательствовавшего на X Пироговском съезде врачей России в 1905 году, принявшем резолюцию о борьбе с самодержавием) памятной доски.

Эта необъяснимая ситуация не давала мне покоя, и поэтому буквально ошеломила догадка, когда, листая биографический список воспоминаний о Волошине, не вошедших в сборник "Воспоминания о Максимилиане Волошине" (М., 1990) прочел: "Врангель Людмила Серге-

евна (урожд. Елпатьевская, 1877-?) "Воспоминания и стародавние времена". Вашингтон, 1964". Дата рождения, имя, отчество не оставляли сомнения, что речь идет о дочери Сергея Яковлевича, но требовались более веские доказательства, ознакомление с книгой. После долгих мятарств я эту книгу нашел-таки. Среди интересных фактов из прошлой жизни: балы у тети, домашние постановки "Горя от ума", девичьи мечты создать фабрику с участием в прибыли рабочих, знакомство с дочерью Р. Корсакова, подготовка к поступлению на Бестужевские курсы с помощью уроков у П.П.Семенова-Тяншанского (сенатора), советовавшего "не вмешиваться в политику, а заниматься только наукой" (1904-1905), о "банкетах", на которых говорились "противоправительственные речи", — на странице 10 читаю: "...давняя пациентка моего отца, врача и писателя С.Я.Елпатьевского", а на странице 39: "мой свекор барон А.К.Врангель", да и на титульном листе книги в американском издании Виктора Камкина читаем: "Баронесса Людмила Врангель". От сердца отлегло — все же Врангель, но "не тот", не Петр Николаевич.

Людмила Сергеевна в своих мемуарах пишет: "Мой муж, с добровольческой армией покинув Кавказ, перебрался в Крым", "ослабевший после перенесенного тифа".

Следовательно, дочь Сергея Яковлевича была замужем за белым офицером. Полагаю, что об этом узнали не только мы с Вами, но в свое время знало и ЧК (кстати, в 1919 году дочь Елпатьевского арестовывало ЧК, и она сидела в подвале ялтинской гостиницы "Ореанда"), а затем и НКВД. Приходится только удивляться, что Сергей Яковлевич работал в Кремле, и в 1933 году умер своей смертью — не дожив года до восьмидесятилетия. Почему памятная доска

на его доме так и не появилась за годы советской власти, полагаю, ясно.

И вот, размышляя об этих фактах, стало понятно сделанное мною своего рода еще одно маленькое открытие. Дело в том, что книга С.Елпатьевского "Крымские очерки" (издание 1913 г.) попала мне в тот момент, когда я стал исследовать подробности поездки в Крым в 1925 году Михаила Булгакова. Узнал, что свою поездку он описал в том же году в "Красной газете" Ленинграда в статье "Путешествие по Крыму".

Из этой публикации становится очевидным, что перед поездкой Булгаков прочел путеводитель "Крым" М.Саркизова-Серазини, о чем сам пишет, и очерки Елпатьевского, хотя прямо об этом нигде не сказано, и его фамилия не упоминается. Что это так, видно из некоторых реплик, мыслей, а главное — из главы "Коктебель, фернампиксы, лягушки": "Некогда в Коктебеле, еще в довоенное время, застрял какой-то бездомный студент. Есть ему было нечего. Его заметил содержатель единственной тогда, а нынче и вовсе бывшей гостиницы Коктебеля и заказал ему брошюру рекламного характера.

Три месяца сидел на полном пансионе студент, прославляя судьбу, растолстел и написал акафист Коктебелю, наполнив его перлами красноречия, не уступающими фернампиксам", и далее следует безличная цитата: "привыкшие в других местах к другим манерам, долго бродят по песку в фиговых костюмах, стыдливо поднимая подолы...", а затем автор продолжает (уже от себя): "Никаких подолов никто стыдливо не поднимает. В жаркие дни лежат обожженные и обветренные мужские и женские голые тела".

Кто же этот бездомный студент, написавший "акафист", "наполненный перлами красноречия":

чья же эта гостиница в Коктебеле и кто ее со-держатель, заказавший рекламную брошюру? Все раскрывает цитата. Она из "Крымских очерков" Елпатьевского, из главы "Коктебель". Но что же могло двигать Михаилом Афанасьевичем, написавшим желчные строки в адрес уважаемого, уже пожилого, 70-летнего человека? Попробуем разобраться.

В студенческие годы Елпатьевский в Крым не приезжал, хотя, перед окончанием университета, у него обнаружили туберкулез после возвратного тифа, с довольно сильным кровохарканием — в клинике известного профессора Захарьина. Поездку в Крым ему "рекомендовали", но "я не имел никакой возможности ехать в Крым, куда настойчиво посылали меня захарьинские ординаторы, и после двухмесячного от-дыха в деревне в Полтавской губернии я взял место врача в Скопинском уезде" (Рязанской губернии), — пишет Сергей Яковлевич в воспоминаниях.

В Ялту он впервые приехал в 1897 году 34-летним, уже авторитетным, состоятельным врачом, сопровождая известного критика, теоретика народовольческого движения Н. Михайловского, перед этим повидав лучшие европейские курорты — Ниццу, Ментону, итальянскую Ривьеру. Тогда же он одновременно с Чеховым начал строить в Ялте и свой дом, в котором, помимо уже перечисленных близких хозяину гостей, часто обитали революционеры. Наиболее полно об этом вспоминает Анастасия Ивановна Цветаева, проведшая в нем со своей больной матерью и сестрой Марией осень-зиму 1905-го и весну 1906 года, готовясь экстерном к экзаменам в ялтинской гимназии.

А. Цветаева вспоминает, как именно в ялтинском доме Сергея Яковлевича (сам он жил тог-

да в Москве) у четырнадцатилетней Марины появился "почти болезненный интерес к политике, революции, к революционерам," и несмотря на любовь к матери — "было одно, что уже начало разъединять Марусю и маму: революция". Это и тесное общение с "революционерами", проживавшими в доме, и стремление попасть на их нелегальные собрания ("Маруся рвется туда — там рядом у соседей собрание"), несмотря на запреты матери, " обыски", "аресты" полицией, руководимой одиозной ялтинской фигурой — генералом Думбадзе, имя которого было "на губах у всех". И нескончаемые разговоры в доме о "политических партиях", стачках, катогре, расстрелах, "проводниках", манифестациях, забастовках, о манифесте 17 октября, восстании в Москве и т.д. И ее "кумиры" — крейсер "Потемкин", лейтенант Шмидт, вошедшие в нее ранами". И уход ее в себя: "...Маруся ходила меж нас, детей, как ходит раненый зверь. Озираясь, таясь", "гневно подозревала всех (особенно близких — маму, меня и др.) в желании вмешаться в ее мучения о героях, кумирах, в ее страсть к революции, к ее будущему", "никогда она еще не была так неровна и резка, как в ту зиму".

И наконец, первые стихи "Маруси" на граждансскую тему, написанные в стенах того же Елпатьевского дома и "дошедшие там в руки матери":

Не смейтесь вы над юным поколением!
Вы не поймете никогда,
как можно жить одним стремлением,
лишь жаждой воли и добра.
Вы не поймете, как пылает
отвагой бранной грудь бойца.
Как свято отрок умирает,
девизу верный до конца!
Так не зовите их домой
и не мешайте их стремлениям, —

Ведь каждый из бойцов — герой!
Гордитесь юным поколением!

... Ставший в конце 1906 года ничем не ограниченным “главноначальствующим Ялты”, дослужившийся до генерала И. Думбадзе, поступки и действия которого безуспешно осуждались даже на уровне госдумы (сожжение в Ялте дачи, массовые выселения из нее, в том числе отставного советника 72-летнего Пясетского за отказ от подписки на черносотенские газеты “Русское знамя”, “Вече” и др.; высылка из Ялты среди сотен уже известного нам И. Саркизова-Серазини и т.д.), с особой предвзятостью относится к С. Я. Елпатьевскому. Он не только выслал “неблагонадежного” доктора, но и делая в его доме (в отсутствие хозяина) обыски, “разграбил библиотеку, мой письменный стол” и даже “раскопал мой маленький двор, очевидно в поисках “тайн”, угрожал дочери писателя: “Я доберусь до этого замка тайн”, или: “Пусть Елпатьевский не думает приезжать сюда, мы его выдворим отсюда живого или мертвого”. Именно поэтому тогда у него, как пишет Сергей Яковлевич, “постоянного угла не было, в Ялту, на Южный берег, пока там царствовал Думбадзе, мне дороги не было, и я кочевал по Крыму то в Севастополе, то в Симферополе, в Феодосии, в дешевых местах, как Балаклава, Коктебель, Отузы”.

А вот цитата из воспоминаний дочери писателя: “Летом 1910 года я приехала из Ялты навестить своих родителей, живших в Коктебеле у поэта Волошина. В то лето там жили поэт Гумилев, писатель А. Толстой с женой и еще одна художница, кажется, княгиня Оболенская”.

В 1913 году у Елпатьевского выходят “Крымские очерки” — не “рекламная брошюра”, а прекрасное художественное произведение, содержащее важный для курортологии (писал-

то его талантливый врач) объективный фактический материал, далеко не лестный для Коктебеля (медицинские показания, реакция больных, перспективы развития курорта). Анализ был настолько детальным, что на него почти без изменения формулировок, выражений ссылался в своем путеводителе и известный ученый-врач И. Саркизов-Серазини.

Так что С. Я. Елпатьевский, вынужденно покинувший Ялту, жил не в сомнительной гостинице, а у поэта Волошина, да и компания там подобралась довольно респектабельная. Что это была именно дача Волошина — следует и из описания ее расположения, сделанного Сергеем Яковлевичем в “Очерках”: “Нанял комнату в центральном месте, в домике, ближе всех придинувшемуся к морю”. Любой знающий Коктебель легко его определит. То, что не упомянул имя хозяина, вполне понятно, поскольку тактичный человек, тем более имеющий определенный опыт конспирации, естественно не хотел навлекать беды на гостеприимного человека, приютившего “высланного политического неблагонадежного”.

Так что же двигало Михаилом Афанасьевичем, когда он писал в таком тоне о Елпатьевском? Полагаю — то же, что заставляло его вставлять малообоснованные реплики, например, в отношении “поэтического кафе “Бубны” — в то время своеобразного культурного центра Коктебеля: “ныне, к счастью, закрытого”; ссылки на комсомольцев, членов профсоюзов. Полагаю, все дело в политизации тогдашнего общества, в делении на “наших” и “не наших”, красных, белых, которая затмевала здравый смысл, заставляя приспосабливаться, пряча истинные убеждения, или их резко выплескивать.

Жестокая междуусобица гражданской войны закончилась (и закончилась ли?) всего не-

сколько лет назад. Все было свежо в памяти, подогревалось событиями каждого дня, а страх заставлял молчать, кривить душой. Не этими ли обстоятельствами было продиктовано и отношение Михаила Афанасьевича к Елпатьевскому — общественному деятелю, боровшемуся в свое время с самодержавием, ссыльному, а затем и кремлевскому лекарю и одновременно отцу баронессы Врангель. Конечно, обо всем этом Булгаков знал, читая Елпатьевского, общаясь с Волошином, и не упустил случая высказаться в свойственной ему саркастической форме, убежденный в безнаказанности и невозможности каких-либо опровержений.

По иронии судьбы, вскоре после отъезда из Коктебеля и еще через год-два сам Михаил Афанасьевич принимал активное участие в “пропаганде”, поисках средств для поддержки дачи-гостиницы Волошина, участвуя в благотворительных вечерах, в организации выставки его акварелей, за что получал от хозяина благодарности.

Однако, политические разногласия ни в коей мере не отражались на отношениях врача-Елпатьевского к своим пациентам. Он был милостив и великодушен.

Ю.Анненков вспоминает: “При наших встречах Сергей Яковлевич иногда говорил мне о своих разногласиях с Лениным, об ошибках марксизма, с которыми Елпатьевский, бывший народоволец, отошедший от политической деятельности и ставший беспартийным, не мог согласиться: но “ведь я доктор, лекарь, и наше разногласие не мешает мне следить за здоровьем Ильича, — говорил Елпатьевский, — политика и медицина не совпадают: политика часто требует угнетения и даже смерти. Медицина, напротив, требует хорошего здоровья даже приговоренного к казни преступника”.

Те же мысли о врачебном долге отца приводят в своих воспоминаниях и Людмила Сергеевна, но уже в отношении Горького: “Горький приглашал его (отца), когда расхvorался. Слишком круто они разошлись в большевистское время. Отец не хотел ехать, но поехал как врач к больному. Горький сказал: “Ах, все идет не так, как хотелось бы... Сергей Яковлевич, надеюсь, Вы опять будете бывать у меня?..” И заплакал. Больше они не виделись”.

Конечно, изложенное выше — лишь версия печальных фактов, откуда и тенденция к максимальному цитированию свидетельствующих о влиянии политизации жизни на ее восприятие, трактовку событий, поступков людей, их взаимоотношения.

Читая все это, можно подумать, что речь идет о делах интересных, но давно ушедших дней, не имеющих прямого касательства к нам и нашим сегодняшним проблемам.

Однако, уже полностью написав эти заметки, я обнаружил непонятным образом сохранившуюся статью С.Елпатьевского, написанную в Ялте и изданную в альманахе “Отчизна” (Симферополь, “Русское книгоиздательство в Крыму”, 1919) под названием “Как это случилось?”.

“Как случилось все то, что переживает сейчас Россия — гибель родины, разрушение государства, позор, грязь, кровь, что заливают Россию от края до края?”, — спрашивает автор. И отвечает, предупредив, что “не хочет искать виновного”. Вот эти причины. Прочитайте их в самой сокращенной передаче и подумайте не только об истории России, но и сегодняшнем дне.

“История России — это история бесконечного расширения ее границ при отсутствии “гражданской истории, норм гражданской жизни, уважения к закону, к правам личности — с отстаи-

ванием отдельным человеком своего "я", — своего индивидуального права", при "отсутствии чувства собственного достоинства". В гибели родины виноваты также "воровство вверху и внизу", "расхищение государственного имущества — казнокрадство" при одновременном всепрощении — "не пойман — не вор", и "голая, наглая, не-прикрытая взятка: не стыдно ее давать, не стыдно ее принимать"; "узоклассовое государство", "исчезновение чувства родины". И в этой связи, отвечая на вопрос: "Как могло случиться, что тысячелетнее государство, огромное, казавшееся непреодолимо могучим, развалилось так быстро... как карточный домик", Елпатьевский указывает, в частности, и на циничное обрушение Польши, угнетение Литвы, Белоруссии, Украины, натравление кавказских народностей одна на другую и угнетение всех их.

В развале России виновата и "казенная служилая буржуазия, для которой казна стала кормушкой.., воспитанная и выращенная властью", и привычное ожидание того, что "выйдет решение сверху": "придет барин — нас рассудит".

И в результате "случилось то, что случилось: перед развертывавшейся революцией Россия стала с малой гражданственностью, без плацдармной государственной мысли.., с великой неправдой русской жизни.., с произволом и насилием..." "Заговорили о всеобщей социальной революции", о начале "новой счастливой жизни всего мира", когда Отечество вредно, так как "мешает объединению человечества в единое межнациональное братство". Говорили об "углублении революции" и не говорили о перестройке государства, о создании новых государственных форм, соответственных новым историческим задачам. "Выговаривали слово "федеративная республика" и не вложили определенного

содержания в эту формулу... Слово "товарищ" было ранее сказано и воспринято, чем выговарили "гражданин".

И снова возвращаясь к вопросу, кто же виноват, Елпатьевский пишет: "Главная причина случившегося лежит не в кадетах, не в социалистических партиях и даже не в большевиках, а в народной психологии, ибо нигде в Западной Европе, нигде заплombированные люди без чувства родины, без национальной чести не принимались бы народом как вожди..." И так на протяжении шестнадцати страниц.

Интересны мысли, высказанные Елпатьевским и в отношении "Русской идеи". Можно ли после этого согласиться с мнением Ленина о "нешироком кругозоре С.Елпатьевского" и о "мелком его анализе"? Судите сами. Давайте только еще раз удивимся естественной смерти этого писателя и общественного деятеля... Надеюсь, переиздание книги и высказанные мной соображения послужат поводом снова поднять вопрос об установлении мемориальной доски на доме С.Я.Елпатьевского.

"Крымские очерки" возвращаются к жизни.

Имя автора — не подлежит забвению. Литературная и общественная деятельность писателя — свидетельство тому.

Владимир Навроцкий,
доктор медицинских наук, краевед.

Издательский дом “Коктебель”
сообщает о выходе новых изданий

Крымский альбом 1998.

Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Ред.-изд. Д.Лосев. Феодосия-Москва, 1998. 288 с., ил. — 3000 экз.

Признанный и высоко оцененный читателями ежегодный альманах остается верен репутации лучшей книги о Крыме. Очередной - третий - выпуск представляет путевые записки Карла Качковского "Дневник польского путешественника. Год 1825"; двадцать три редких фотографии из трех альбомов, принадлежавших семье последнего российского императора Николая II и "Крымские рассказы" Андрея Седых, феодосийца, видного писателя русского зарубежья. В альманахе публикуются впервые: письма Александра и Нины Грин первой жене писателя — В.П.Калицкой; страницы американского дорожного альбома И.К. Айвазовского, неизвестные крымские акварели В.И.Сурикова, материал о ялтинской художественной коллекции А.Н.Витмера.

Открытие альманаха — имя Ивана Савина (Саволайнена), писателя русского зарубежья, крымская проза

и стихи которого впервые публикуются в России и Крыму. Вам, несомненно, запомнятся историко-литературные заметки В.Купченко "Стройтесь в роты, оброты": Шуточные сонеты М.Волошина" и поэтические строчки Екатерины Павловой, открывающие "новое имя" старого Коктебеля начала XX века; обратят внимание изборник стихов Василия Дембовецкого, возвращающий другое имя — полуза забытоего феодосийского поэта. Альманах познакомит с "Феодосийским венком" — венком сонетов Ирины Репиной.

Изысканное оформление, бесчисленные иллюстрации, аннотированный перечень книг о Крыме, изданных в 1997-1998 годах, указатель имен, рекламно-информационные сведения прибавляют достоинств альманаху.

Три красивых и умных тома "Крымского альбома" (1996, 1997, 1998) — зримый итог наших трудов. Убедитесь в этом!

Волошин М.А.
Я к нагорьям держу свой путь: Стихотворения и акварели. Состав., подбор илл. Д.Лосева. Феодосия. 1998. 16 с., ил. — 4200 экз.

Крупноформатное художественное издание, включающее в основном пейзажную лирику из циклов "Киммерийские сумерки" и "Киммерийская весна". Кроме того в сборнике стихотворения "Дом поэта", "Молитва о городе" (Феодосия — весной 1918 г.), отрывки из статьи "Культура. Искусство. Памятники Крыма".

Автопортрет и шесть акварелей из собрания Дома-музея М.А.Волошина в Коктебеле.

Феодосия, мой древний град: Избранные страницы "Феодосийского альбома". Очерки. Воспоминания. Поэзия. Сост., вст. заметки, послесл. Д.Лосева. Феодосия, 1997. (Библиотека альманаха "Крымский альбом". Вып. 3), 208 с., ил. — 2500 экз.

ФЕОДОСИЯ, МОЙ ДРЕВНИЙ ГРАД

Краеведческий сборник, составленный из материалов "Феодосийского альбома" — специального приложения к газете "Победа" и изданный к пятилетию со дня выхода первого номера, включает лучшие публикации 1992–1997 годов. Пять разделов книги объединили старую и новую историю древней Феодосии, памятники старины и культуры, свидетельства и воспоминания, поэзия и прозу, имена и хронику. Специальным приложением к сборнику стала "Библиография: список материалов, опубликованных в газете "Феодосийский альбом" (№№ 1–50).

Уровень материалов сборника, многочисленные документальные иллюстрации, состав и приложения сделали книгу новым типом краеведческого издания, соответствующим взыскательному спросу.

Очередная книга серии "Библиотека альманаха "Крымский альбом" одинаково интересна и серьезному любителю, и читателю, впервые прикасающемуся к повествованию о вечной Феодосии.

Полистайте книгу "Мой древний град". Вы высоко оцените итог труда ее авторов, класс книжной серии.

Купченко В.П. Киммерийские этюды: События. Люди. Памятники. Вст. слово, сост. Д.Лосева. Феодосия: Издат. дом "Коктебель", 1998. 176 с., ил. (Биб-ка альманаха "Крымский альбом": вып. 5). — 2000 экз.

Успех сразу и навсегда — судьба, на которую обречена книга В.Купченко, известного литературоведа, со-

здателя российского волошиноведения и Дома-музея М.А.Волошина в Коктебеле. Корпус книги составили три главных части, первая из которых отдана "Киммерийским этюдам" — заметкам о стариине, памятниках, людях и событиях Киммерии.

Разбросанные в периодике минувших лет, эти заметки и статьи впервые объединяются в книге, становясь явлением крымоведения.

В.Виноградов, О.Ретовский, Л.Колли, М.Волошин, С.Качиони, И.Айвазовский, Н.Маркс, Г.Калмыков, К.Петров-Водкин, о. Александр Мень — немногие имена из фигурирующих в книге. Мечеть Калауна, Сурп-Хач, общество "Киммерика" и ФЛАК — литературно-артистический кружок, Бухта-Барахта и Дом Поэта в Коктебеле — ареал исследовательского охвата... Всего не перечислить.

Вторую часть книги выстроили автобиографические материалы, рисующие судьбу исследователя пути Волошина. Исполненные доверительности, не утешающие неизгоя быта и бытия, материалы этого раздела далеко выходят за рамки житейского интереса, представляя свидетельство к характеристике недавних времен и общественных отношений.

Третья часть — библиографический указатель сочинений В.Купченко 1962–1998 гг. — станет одинаково необходимой и маститому историку словесности, занимающемуся русским "серебряным веком" и начинающему краеведу, делающему первые исследовательские шаги.

Серийные особенности "Библиотеки альманаха "Крымский альбом" обеспечили книге интереснейшие документальные иллюстрации, указатель имен, полиграфические достоинства.

Книга В.Купченко — образец новой крымской книги Издательского дома "Коктебель". В конкретном издании особенную значимость обрело приметное событие — шестидесятилетие автора.

ВЛАДИМИР КУПЧЕНКО

Киммерийские этюды

Образ поэта.
Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников.
Сост., вступ. статья
В.П. Купченко, послесловия
Д.А. Лосева.
Феодосия-М., 1997.
(Биб-ка альманаха
“Крымский альбом”.
Вып. 2), 160 с., ил.—
2000 экз.

Сборник представляет собой поэтическую антологию, составленную из стихов, посвященных поэту. Подобная книга издается впервые. В нее вошли произведения авторов, лично знавших М.А. Волошина. Из семидесяти восьми стихотворений некоторые извлечены из малотиражных изданий, а тридцать восемь, хранящихся в фондах Дома-музея Волошина в Коктебеле и архивах России, публикуются впервые.

В сборнике два раздела. В первый включены стихотворения, написанные при жизни Волошина, во второй — после его смерти (1932-1960-е). В книге — произведения как выдающихся поэтов (М.Цветаева, К.Бальмонт, Вс.Рождественский, Е.Замятин, С.Шервинский, Г.Шенгели и др.), так и малоизвестных.

Составитель сборника, автор предисловия и комментариев — Владимир Купченко, биограф поэта.

Дополняют книгу портреты Волошина из собрания Дома-музея в Коктебеле — двадцать одна работа (воспроизводятся в цвете), а также очерк об истории создания некоторых портретов, обстоятельствах знакомства и общения Волошина с их авторами. В приложении к сборнику приводится (впервые) список прижизненных изображений поэта.

Книги Издательского дома “Коктебель”
вы можете приобрести:

Крым

Литературные и художественные музеи
Магазины фирм “Крымкнига”, “Таврическая книга”.

Москва

Музей М.Цветаевой, пер. Борисоглебский, 6, 202-35-43

Книжные магазины

“Графоман”, ул. Бахрушина, 28, т. 959-21-03

“У Сытина”, ул. Пятницкая, 73, т. 230-89-00

“Русский путь”, ул. Ниж. Радищевская, 2, т. 915-10-47

“Эйдос” пер. Чистый, 6, строен.2, т. 201-26-08

Редакции журналов

“Наше наследие” пер.1-й Неопалимовский, 4, т. 244-00-12

“Новый мир” пер. М.Путинковский, 1/2, т. 200-08-29

Санкт-Петербург

“Книги”, Университет. наб., 7/9, т.218-96-91

Музей А.Пушкина, наб. Мойки, 12, т.315-98-04

Музей А.Ахматовой, наб. Фонтанки, 34, т.272-22-11

Пушкинский дом (ИРЛИ), наб.Макарова, 4, т.218-19-01

Париж

«Les éditeurs reunis»

11 rue de la Montagne-Ste-Genevieve.
75005 Paris. Tel. 43.54.74.46

Ваш выбор — правильный

**УСЛУГИ ПОЛИГРАФИИ
ЛЮБОГО УРОВНЯ**

г.Феодосия ул.Галерейная, 21,
тел/факс (06562) 3-70-19

Катюшин Е.А. Феодосия. Каффа. Кефе. Исторический очерк. Феодосия: Издат. дом "Коктебель", 1998. (Библиотека альманаха "Крымский альбом". Вып. 6.).

160 с., ил.— 3000 экз.

до заката славы Османской Порты в Северном Причерноморье и Крыму. Талантливое изложение, прекрасный язык живого повествования, значительность исторического анализа и доводов исследователя, система обоснований и выводов делают монографию событием региональной исторической мысли, одинаково значимым и для коллег-профессионалов, и для непосвященных читателей.

В книге подробно рассмотрены три периода много вековой истории Феодосии — античный, средневековый, татаро-турецкий, обусловивших структуру издания и содержание ее основных глав. Отдельного внимания заслуживают сопроводительный иллюстрационный ряд, представивший археологические свидетельства, виды города на старых гравюрах, авторские реконструкции и современное состояние историко-культурных памятников, а также цветная тетрадь акварелей блистательного Константина Богаевского, зафиксированного в 1920-е годы уходящую феодосийскую старину.

Книга Е.А. Катюшина — новое слово в историческом крымоведении, заметный результат работы Издательского дома "Коктебель".

Содержание

Дмитрий Лосев. Возвращение книги	5
БАЛАКЛАВА: Путь. Прибытие в Балаклаву. Описание места. Легендарная бухта. Население. Море. Балаклава, как уголок отдыха	11
КОКТЕБЕЛЬ: Природные особенности. Красота Коктебели. Ландшафт и горы. Близость Кизилташского монастыря. Очарование моря. Коктебельские камешки. Надежды Коктебели	32
ОТУЗЫ: Нижние Отузы. Море и долина. Виноград, как образ жизни. Обустройство и бытие. Состав населения. Татарская отузская культура. Закат единения	50
КАРАДАГ: Сказка гор. Берег и бухты. Климат и природа. Редкость места. Санатория Вяземского. Научная станция и ее библиотека. Лето и зима на Карадаге	69
СУДАК: Дорога от Карасубазара. Судакская долина и ее обитатели. Ландшафт и климат. Судак и Южный берег. Начало курортного обустройства. Прошлое Судака. Генуэзская старина. Имение Капнистов. Русская культура Судака. Завтрашние ожидания	85
Примечания	113
Владимир Навроцкий. С.Я. Елпатьевский: известный и неизвестный	116

Елпатьевский С.Я.

Крымские очерки. Год 1913-й. Феодосия: Издат. дом "Коктебель" (Биб-ка альманаха "Крымский альбом"). Вып. 4), 1998. 144 с., ил.

Издательский дом «Коктебель»

334800, Республика Крым, Феодосия, а/я 55
Лосеву Дмитрию Алексеевичу
Телефоны: 7-63-64, 3-41-12, 3-21-08
119121, Москва, пер. 1-й Неопалимовский, 4.
Редакция журнала «Наше наследие»
(для «Крымского альбома»)
Телефоны: 478-86-29, 241-51-03

Библиотека альманаха «Крымский альбом»
Выпуск четвертый

Елпатьевский Сергей Яковлевич
КРЫМСКИЕ ОЧЕРКИ
Год 1913-й

Редактор Д.А.Лосев
Фотохудожник М.Г.Горшков
Корректор Г.Г.Лапенко

Операторы по набору и верстке
Е.С.Парасочки, С.В.Семухина, Е.В.Силюк,
Г.Г.Терещенко, А.А.Тимофеев, А.А.Шаронов
Оригинал-макет: КП «Фирма ЭКМА+» (Феодосия)
Сдано в набор 15.01.98. Подписано к печати 07.07.98.
Формат 70x90/32. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 5,22. Уч.-изд.л. 5,1. Тираж 3000 экз.
Заказ № 8-325
Осуществлено при участии ООО «Интеравто» (Киев)
Отпечатано: АО «Киевская книжная фабрика».
Киев, ул.Воровского, 24
Регистрационное свидетельство: КМ № 210. Выдано
Крымским комитетом по печати и информации 4.08.95.

ISBN-5-7770-0869-10